

ИБИС

**Альманах
№ 39**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

Номер файла:

● 1-я страница обложки	01
● 2-я страница обложки	02
● Эпиграф к журналу	03
● Сначала прочтите это	04
● Портрет	05
● Настоящая литература! <i>Анат. Рыбаков, "Прах и пепел" —</i> <i>повесть о временах сталинизма. Глава 23</i>	06
● Нравы правоохранителей Украины: <i>Андрей КУДИН, «Тюрьма»</i> <i>(публикация книги)</i>	07
● 1001 случай криминала: <i>легко усматривается эзотеричность</i>	08
● Главы из новой книги крупнейшего джазмена России <i>Алексея Козлова «Козёл на саксе»</i>	09
● "Оккультный мир" (<i>выдержки из книги</i>) — <i>А.Синнет (1881)</i>	10
● Теософский словарь	11
● Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": <i>о нашем времени</i> <i>и ближайшем будущем?.. (продолжение)</i>	12
● "Альтист Данилов" (<i>глава 36</i>)	13
● Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (<i>глава 23</i>)	14
● <i>Философема</i>	15
● <i>Цитата номера</i>	16
● 3-я страница обложки	17
● 4-я страница обложки	18

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

13 января 1939 года корреспонденты, аккредитованные в Берлине, передали сообщение о состоявшемся накануне открытии нового здания имперской канцелярии. Расписывали ее размеры, в десятки раз превышавшие размеры прежней имперской канцелярии, сообщали о громадных колоннах из мрамора и таких же плитах, которыми был вымощен внутренний двор, о массивных, высотой в пять метров, дверях, о ведущей в главный зал галерее, которая согласно указанию Гитлера вдвое больше галереи Версальского дворца. Колоссальный кабинет украшала бронзовая скульптура в человеческий рост, изображавшая наполовину вынутый из ножен меч. Этот меч, сказал якобы Гитлер, будет внушать дипломатам страх. Новая имперская канцелярия открылась большим приемом для дипломатического корпуса.

Но главным на газетных страницах было то, что во время приема Гитлер подчеркнуто долго разговаривал с советским послом Мерекаловым. После Гитлера к Мерекалову подошли Риббентроп и генерал Кейтель. Советский посол оказался в центре внимания.

В своем донесении в Москву Мерекалов был осторожен: "Гитлер поздоровался, спросил о жизни в Берлине, о моей поездке в Москву, сказал, что ему известно о моей встрече в

Москве с немецким послом Шуленбургом, и пожелал успеха". Осторожность Мерекалова не удивила Сталина: он не в курсе тайных контактов, к тому же плохо знает немецкий язык, а Гитлер говорил без переводчика. Но значение этого факта понятно. Гитлер подает ЕМУ сигнал: он в курсе тайных переговоров, одобряет их и готов изменить к лучшему отношения между СССР и Германией.

Подтверждением тому стало прекращение в немецкой прессе нападок на руководителей Советского Союза.

Но еще более важное подтверждение содержалось в положенном на стол Сталину донесении антифашистской группы Шульце - Бойзена, действовавшей в германском министерстве авиации: утром восьмого марта Гитлер в речи, произнесенной перед генералами и адмиралами, приказал не позднее пятнадцатого марта оккупировать всю остальную часть Чехословакии; до осени, пока не развезло дороги, оккупировать Польшу; в сороковом - сорок первом годах стереть с лица земли "извечного врага" Францию и установить господство над Англией, захватить ее богатства и владения во всем мире.

Сталин мог поздравить себя. ЕГО прогноз оказался правильным: Гитлер нацелился на Францию. Теперь слово за НИМ. Этим ответным словом был доклад Сталина на Восемнадцатом съезде партии, сделанный им через два дня, 10 марта 1939 года.

Готовясь к Восемнадцатому съезду, Сталин главное внимание уделил составу Центрального Комитета партии, который предстояло вновь избрать. Взял за основу список членов ЦК, избранных на Семнадцатом съезде, вычеркнул расстрелянных, их было большинство, против обреченных на расстрел поставил жирные кресты, некоторые фамилии обвел карандашом, словно нарисовал петлю на виселице, и опустил их вниз, в кандидаты; других также висельной петлей поднял из кандидатов в члены и, сообразуясь со своими расчетами, добавил новые фамилии.

А в доклад на Восемнадцатом съезде партии Сталин продиктовал добавление. Отметив, что Англия и Франция не дали отпора Германии, Сталин сказал:

"Главная причина... желание не мешать Германии впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны глубоко увязнуть в тине войны, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!.. Необходимо, однако, заметить, что эта большая и опасная политическая игра может окончиться для них серьезным провалом". В Берлине ответ Сталина поняли.

15 марта немецкие войска вошли в Прагу. Чехия была включена в Германскую империю под названием: "Протекторат Богемия и

Моравия". Вслед за этим немецкие войска захватили литовский порт Клайпеду (Мемель). 23 марта пал Мадрид, республиканская Испания потерпела поражение. Открытое военное противостояние СССР и Германии на испанской земле прекратилось.

Итак, дорога к союзу с Гитлером открыта. Но союз с фашистской Германией?! Надо сделать минимальными политические издержки этого шага.

Народ? Народ не есть политическая сила. Политической силой он становится только в руках политического руководителя. Сопротивление крутому повороту возможно только при наличии в стране политической оппозиции. Ее нет. Она уничтожена, искоренена навсегда. ОН руководит народом, народ привык к ЕГО неожиданным поворотам и маневрам. В ЕГО руках партия - невиданной силы и послушности рычаг, способный мгновенно повернуть в нужную сторону государство. Народ, люди - всего лишь подданные государства.

Запад? На Западе реакция будет неоднозначна. Буржуазия впадет в истерику, социал-демократы тоже. Коммунисты? Коммунистические партии в его руках, живут на советское золото. Противники его курса окажутся среди западной интеллигенции. Конечно, им понадобится лидер. Такой лидер есть. Троцкий. У него имя, ореол героя Октябрьской революции, он олицетворяет

социализм, к которому так тянется западная интеллигенция. И главное, изо дня в день предсказывает союз Сталина с Гитлером и в глазах западных рабочих и интеллигентов, не искушенных в большой политике, окажется прав. В своих последних статьях Троцкий пишет:

"Крушение Чехословакии - это крушение политики Сталина... Теперь советская дипломатия попытается пойти на сближение с Гитлером - ценой новых отступлений и капитуляций... Сближение Сталина и Гитлера весьма вероятно... Разрушив партию и обезглавив армию, Сталин открыто ставит ныне свою кандидатуру на роль главного агента Гитлера".

Каков негодяй! Хорошо понимает необходимость политических маневров, а на него льет помой. Нетрудно предвидеть, как завопит от радости, когда ЕГО союз с Гитлером состоится и этот ничтожный IV Интернационал превратится в большую силу. В политическом чутье ему не откажешь, свои будущие шансы Троцкий отлично предчувствует.

Уничтожение Троцкого из задачи возмездия и отмщения становится задачей ликвидации опасного противника. Этим вместо Слуцкого и Шпигельгласа занимаются теперь в НКВД Судоплатов и Эйтингон. Берия уверяет, что они тщательно готовят операцию. Медленно готовят! Надо поговорить с этими людьми.

Эйтингон был в отъезде. Берия явился с Судоплатовым. Сталин знал его: два года назад тот приходил к нему по украинским делам. Робел. Теперь выглядит более уверенным.

Движением руки Сталин предложил ему и Берии сесть. Они уселись по обе стороны длинного стола. Сталин расхаживал по кабинету, негромко говорил:

- Вы, конечно, хорошо знаете, сколько зла принес Троцкий нашему народу. Его сообщники понесли заслуженное наказание. А их главарь? Жив и здоров. - Сталин замолчал, ходил из угла в угол. Судоплатов взглянул на Берию, Берия едва заметно качнул головой: нет, пауза не означает, что товарищ Сталин кончил говорить, он продолжит свою мысль. - Десять лет Троцкий за границей. Неужели за десять лет не могли обезвредить его? Безусловно, могли. Не захотели. Саботировали. Виновные за это строго ответят. Но больше ждать нельзя. В нынешней международной обстановке мы этого больше терпеть не можем. Война надвигается. Троцкий стал пособником фашизма. Троцкисты проникают в левое движение, дезорганизуют его и тем ослабляют помощь, которую прогрессивные силы могли бы оказать Советскому Союзу. Нужно нанести удар по IV Интернационалу. Как? Обезглавить его.

Сталин остановился перед Судоплатовым, впери в него свой тяжелый взгляд, резко произнес:

- Троцкий должен быть ликвидирован в течение одного года. Надеюсь, вы с этим справитесь. Выезжайте в Мексику. Вам будут созданы все условия и оказана необходимая помощь.

Судоплатов поднялся для ответа.

- Сидите! - приказал Сталин.

Судоплатов опустил на стул, но и сидя говорил, будто стоит на вытяжку.

- Товарищ Сталин! Мы сделаем все для выполнения вашего указания. Однако мне выезжать в Мексику не следует: я не владею испанским языком и привлеку к себе нежелательное внимание.

- А Эйтингон?

- Так нами и решено, товарищ Сталин. На месте операцию возглавит товарищ Эйтингон.

- Что он за человек?

- Сорок лет. Опытный разведчик, надежный, находчивый, твердый. Член партии с 1919 года. Учился в военной академии, работал с товарищем Дзержинским. Очень хорошо проявил себя в Испании. Свободно владеет английским, немецким, французским и испанским языками.

- Каков план операции?

- Спланировано несколько вариантов. Конкретно - решится на месте. Общее между ними то, что ее осуществят коммунисты, прошедшие подготовку в Советском Союзе и воевавшие в Испании.

- Ну что ж, - сказал Сталин, - действуйте! Средств не жалейте. Учтите, - он снова тяжело посмотрел на Судоплатова, - ликвидация Троцкого - поручение Центрального Комитета нашей партии. - Протянул руку. - Желаю успеха, до свидания!

Сталин и Берия остались одни.

- Что у вас? - спросил Сталин. Берия положил перед ним лист бумаги. Это был донос работника Наркоминдела о том, что в частном разговоре Литвинов неодобрительно отозвался о внешнеполитических действиях руководства партии и правительства.

Зная характер Литвинова, Сталин допускал, что тот мог себе такое позволить. И вообще пора переходить к более широким переговорам с немцами. Литвинов для этого не годится.

Конечно, ОН не забыл, как тогда в Лондоне Литвинов защитил ЕГО от пьяных докеров. Конечно, ОН ценит, что за прошедшие тридцать лет Литвинов никому об этом не рассказал. Но у всякой благодарности есть предел. У руководителя государства нет и не бывает личных друзей, у него есть только великое дело, которое ОН делает. И люди делятся на тех, кто помогает ЕМУ это дело делать, и на тех, кто мешает. Жаль, что товарищ Литвинов этого не понимает. Многим такое непонимание стоило жизни. Однако жизнь Литвинову надо сохранить, Литвинов еще может понадобиться.

На углу доноса Сталин написал: "В дело". Возвратив бумажку Берии, сказал:

- Литвинова пока не трогать. Но о каждом его слове я должен знать. Где бы это слово ни было произнесено.

3 мая Литвинов был смещен с поста наркома иностранных дел и заменен на этом посту Молотовым, который оставался также председателем Совнаркома. Ночью на процедуре смещения Литвинова и вступления в должность Молотова присутствовали Маленков и Берия. Присутствие Берии было не случайным. К лету 1939 года были репрессированы пять заместителей Литвинова, 48 послов, 140 сотрудников Наркомата иностранных дел, большинство работников советских посольств за границей. Некоторые посольства были истреблены полностью. Новую сталинскую внешнюю политику были призваны делать новые люди.

(продолжение предполагается)

Андрей КУДИН

КАК ВЫЖИТЬ В ТЮРЬМЕ

Предисловие редактора

«Как выжить в тюрьме», может знать только тот, кто долго там был. Упаси нас Господь от этой доли, осмелюсь я возразить общеизвестной поговорке.

Художественной ценности книга А. Кудина не представляет, и мы публикуем её только как зарисовку современных нравов на (или «в»?) Украине, а также потому, что время летних отпусков ещё не закончилось и интересные авторы с их возможными статьями пока в отпусках.

ВСТУПЛЕНИЕ

"Сидеть будут все..."

(глубокое внутреннее убеждение
сотрудников правоохранительных органов)

Ты перешагнул порог и остановился у входа в камеру, рассеянно оглядевшись вокруг. Чего стоять? Проходи, братуха, присаживайся. Здесь ты никому и ничем не обязан. Никто не вправе лезть в твою душу, выпытывая, кто ты и за что тебя кинули за тюремные стены. В местах "не столь отдаленных" чрезмерное любопытство справедливо рассматривается как проявление

дурного тона, а посему тот, кто собирается жить долго, не страдает вышеупомянутым недостатком. Это там, наверху, мусора стремятся любыми правдами и неправдами нас раскатать и выудить побольше интересующей их информации, а здесь, в камере, вполне достаточно назвать статью, по которой тебя закрыли, да имя, чтобы мы знали, как к тебе обращаться. Всё остальное - сугубо личное дело. Хочешь молчать - молчи, хочешь общаться - общайся. Живи, как подобает свободному человеку, и поступай так, как считаешь нужным.

Не знаю, как ты, но я не вижу ничего странного в том, что мы встретились именно за решеткой, а не в ложе оперного театра. Это абсолютно нормально для данного государства. Трудно найти жителя Украины, который хотя бы раз в жизни не ночевал на казенных нарах. Впрочем, чему удивляться? Мы родились и выросли в стране, которая сама по себе является не чем иным, как местом "не столь отдаленным". Тюрма - всего-навсего её копия в миниатюре.

Видно, что-то мы не так сделали в предыдущей жизни, раз в этой тут родились.¹ С какой стороны ни посмотри, а наша нынешняя Родина далеко не самый лучший обломок некогда могущественной Российской империи,

¹ Очень даже может быть... (— Ред.)

где понятия не имеют, что такое Закон и какого... мировое сообщество ворчит и требует, чтобы на Украине начали возводить пусть что-то, пусть отдаленно, но всё-таки напоминающее правовое государство.

Однако Украина - не Америка, не Европа и даже не Россия. Надеяться на то, что завтра здесь что-либо изменится к лучшему, может только пациент больницы имени Павлова. Привычный для жителя цивилизованной страны вопрос "Как дела?", заданный "среднестатистическому украинцу", звучит, по меньшей мере, глупо и в высшей степени бескультурно. Более идиотский вопрос трудно вообразить. Чего, собственно, спрашивать? Тебе что - повылазило? Не видишь что ли - человек пока ещё жив, а если человек жив, то у него всё хорошо и нечего с расспросами приставать. Всё равно правду никто не скажет.

На Украине залететь белым лебедем за решетку довольно просто. Для этого не следует прикладывать каких-либо особых усилий и утруждать голову мыслительной деятельностью. У нас такая страна, что не успеешь опомниться, а ты уже там, то есть здесь, прямо как "здрасьте" среди ночи.

Что любопытно - стоящие у власти сажают соотечественников в тюрьмы с нескрываемым удовольствием, а выпускают из них с такой

явной неохотой, да ещё морды кривят такие, словно, выходя на свободу, мы тем самым наносим оскорбление всему цивилизованному человечеству.

Кстати, по поводу освобождения. Это - не просто незабываемое в жизни событие. Это целая эпопея, которая начинается с первых минут заключения и затягивается у кого на годы, а у кого на десятилетия. Мало того, что данный процесс во времени растянут до неприличия, так он к тому же довольно дорогостоящий со всех точек зрения. Далеко не все, а правильнее будет сказать - никто — не бывает готов к такому повороту событий, а посему, как поется в песне Владимира Высоцкого: "Тот, кто выжил в катаклизме - пребывает в пессимизме".

Немало пассажиров, очутившись в тюремной камере, сразу же начинают биться головой о стену. Прямо как рыбки об лед. Не думаю, что удары головой о бетон особо способствуют улучшению мыслительной деятельности внутри черепной коробки. Как бы кто ни старался, а тюремные стены почему-то всегда оказываются чуточку крепче, чем буйные арестантские головы.

За время, проведенное в заключении, мне пришлось видеть разных людей в далеко не самые лучшие минуты их жизни. Заживо погребенные за тюремными стенами, лишённые

элементарных человеческих прав, съедаемые друг другом, как пауки в банке, заключенные медленно, но уверенно превращались в затравленные комья человеческой глины. Им казалось, что жизнь закончена, что всё лучшее, что только может быть - свет, радость, любовь, абсолютно всё, что входит в понятие "счастье", - далеко позади, а впереди только беспросветный мрак, безысходность и пустота. В глазах подавляющего большинства сокамерников не было жизни - это были глаза мертвецов.

"Ого! - сказал я себе.- Здесь делать нечего. Пора выбираться на волю". Это была первая мысль после того, как я переступил порог тюремной камеры и увидел, с кем мне придется сидеть. Публика мало чем отличалась от сборища бомжей, небрежно утрамбованных в обезьянник привокзального отделения милиции после очередной облавы.

Характерной чертой коллег по несчастью было тупое равнодушие как к своей дальнейшей судьбе, так и к собственному здоровью. Часть заключенных давным-давно перестала за собой следить (а зачем?), живя, пока живется, жизнью примитивных животных (съесть, что дадут, оправить естественные надобности, а в остальное время валяться на нарах, воткнув неподвижный взгляд в потолок). Другие арестанты, наоборот, проявляли недюжинную

активность, носясь как угорелые из угла в угол, распустив пальцы веером, а сопли пузырями. По всей видимости, они еще не набегались на свободе, в их задницах продолжало пылать пламя пионерских костров. Им нравилось изображать из себя тюремных авторитетов и время от времени изрекать глубокомысленные фразы типа: "Наш дом - тюрьма" или "На свободе делать нечего". Окружающие поддакивали, как попугаи, кивая в такт головами.

Вместе с тем, большинство арестантов прекрасно понимало, что делать нечего как раз в тюрьме. Они суетились, нервно грызли ногти и вечно куда-то спешили. Старались сделать как лучше, а получалось как обычно - всё хуже и хуже... Их энергия, не находя выхода, выплескивалась на грязные тюремные стены, многократно усиливая и без того отрицательно заряженный фон мест "не столь отдаленных".

Не проходило и дня, чтобы кто-то не попытался объявить голодовку в знак протеста против произвола властей, наивно полагая, будто бы на Украине можно кого-нибудь удивить голодовкой. Простодушные, доверчивые существа! В этой стране на взрывы ядерных реакторов возле столицы никто внимания не обращает, а тут голодовка какого-то зэка... Ну и что? Пускай себе голодает, раз хочется. Тем более, что интересоваться у голодающего, чего

ему, собственно, не хватает для полного счастья, по меньшей мере, бесперспективно. Обычно не хватает именно того, чего давать никто не собирается. Например, освободить из-под стражи или подарить на день рождения ящик с тротилом, чтобы было чем взрывать Министерство Внутренних Дел.

Периодически на тюремном горизонте появлялись радикально настроенные элементы, которые не разменивались на растянутые во времени голодовки, а настойчиво резали подручными средствами вены. Я как-то задумался - а почему именно вены? Предположим, сделать по-людски харакири не совсем удобно в условиях тюремной антисанитарии, но зато перерезать себе глотку или воткнуть в нее заточенную ручку от ложки не менее, если не более, действенно и эффективно.

Однако люди вскрывают себе именно вены. В их подсознании до последнего вздоха живет надежда на то, что их обязательно спасут, пожурят, словно в детстве, и пожалеют. В реальной жизни их и вправду чаще спасают, чем нет. Только вот жалеть никто не собирается. Без наркоза и нежных слов вгоняют в руки металлические скобы, добавляют для верности дубинкой по почкам и водворяют обратно в камеру. Тюремщики отчего-то свято верят, что чем больше боли причинить потенциальному самоубийце во время так называемого

"спасения", тем меньше желания повторить то же самое у него возникнет в будущем. Спасенные почему-то думают по-другому и продолжают угрюмо размышлять о том, какой путь на тот свет наиболее прост и комфортен.

Далеко не все спокойно воспринимают вид крови, особенно если эта кровь - их собственная. Как оказалось, для людей имеет немаловажное значение и то, как они умрут. Уходить из жизни, корчась в судорогах и захлебываясь в луже крови на грязном полу, согласитесь, не вполне эстетично. Очевидно, именно поэтому некоторые норовят зависнуть вместо лампочки под потолком, используя подручные средства в виде разорванных брюк и рубашек.

Думать о самоуничтожении и уничтожить себя - далеко не одно и то же. Среди моих тюремных знакомых только один, высокий, крепко сбитый парень лет двадцати пяти, каменщик по профессии, подошел к делу ответственно и довел его до конца. Все остальные потенциальные самоликвидаторы ограничились тошнотворным нытьем - вокруг, видите ли, полная безнадега, а посему нет ни малейшего желания жить.

Каменщик не ныл, да и вообще не вел гнилые разговоры на подобную тему. Он сутками лежал на спине, уставившись в одну и ту же точку.

- Юрок, на прогулку пойдешь? - спрашивали мы его, но парень так ни разу и не вышел в тюремный дворик.

Юра заехал на тюрьму по обвинению в убийстве жены на почве ревности. До того, как он прикончил благоверную, они вместе работали на одном предприятии. Она - в бухгалтерии, он - непосредственно на стройке, плюс подрабатывал халтурой. На еду и одежду денег хватало с головой. Детей заводить не спешили, особых претензий к жизни как будто бы не было. Юра выглядел как типичный представитель рабочего класса, живущий по принципу: "Главное, чтобы не хуже, чем все".

Каждое утро, в одно и то же время, он вместе с женой шел на работу, а вечером они вместе возвращались домой. На праздники и выходные ходили в гости к родственникам или друзьям. С какой стороны ни посмотри - самая что ни есть заурядная пара, живущая стандартной жизнью в стандартной гостинке без перспектив на расширение.

- Знаешь, а мы ведь любили друг друга, - вырвалось однажды у Юры, когда мы сели пить чай после вечерней проверки. Юра тогда одел теплую вязаную безрукавку и как бы невзначай обронил:

- Это она мне её подарила на годовщину свадьбы.

Теперь трудно судить, где было больше любви, а где чего-то другого. Развод для Юры означал потерю не только любимой, но и квартиры вместе с машиной, так как все это было изначально её, а не его. По большому счету, у парня, приехавшего в Киев из глухого села, кроме привлекательной внешности и техникума за плечами, ничего-то и не было.

Они решили расстаться, отмечая очередную годовщину свадьбы, на третьем году совместной жизни.

- Пойми, Юрка, нам необходимо какое-то время пожить отдельно, чтобы разобраться друг в друге, в себе...

Супруга сидела в кресле напротив и пила шампанское. Он пил кофе и молча курил, тупо уставившись в телевизор. Не думаю, что для Юры это было большой неожиданностью. Он прекрасно знал, что последние года полтора его красавица-жена значительную часть свободного времени проводит в постели у шефа, который был на пятнадцать лет старше неё. Юра всё знал, однако делал вид, что ему ничего не известно.

Ближе к полуночи жена, как обычно, поцеловала его - невесомо и нежно, прикоснувшись губами к губам. Тихо сказала перед тем, как отправиться спать:

- Спасибо за то, что понял меня.

Юре, в отличие от жены, спать не хотелось. Он равнодушно проводил глазами супругу и, воткнув ноги в домашние тапочки, побрел на кухню в поисках бутерброда. С бутербродами не повезло - хлеб закончился. Зато в холодильнике нашлась начатая бутылка водки, содержимое которой благополучно перекечевало в Юркин желудок. Как после этого у Юры в руках оказался топор, хранившийся на балконе в ящике для инструментов, он точно не помнит, но в спальню парень вошел уже вместе с ним.

Супруга спала, положив голову на зеленого пушистого слоника, подаренного ей крестным на Новый год. Юра на цыпочках подошел к кровати и остановился у изголовья. От природы парень был настолько физически силен, что ему не составило бы большого труда перерубить одним ударом кровать, но в последний момент силы изменили ему.

- Ты веришь? Я почти остановился...

Топор вошел в череп, но не убил. Юра испуганно отпрянул, широко раскрыв глаза, глядя на то, как задыхается девушка, захлебываясь собственной кровью, как багровая пена и слизь заливают диван. Его вдруг охватил животный страх, он больше не

мог этого видеть, но и оторвать глаз не мог. Механически, словно в тумане, накрыл супругу шерстяным пледом и присел на краешек стула.

В течение нескольких часов тело содрогалось в конвульсиях, словно сквозь него пропускали электрический ток. О чем думал в эти часы Юра - одному Богу известно. Утром он пошел сдаваться в милицию.

В Печерском райотделе внутренних дел города Киева, куда пришел Юра, дежурный мент радостно заулыбался, похлопав каменщика по плечу:

- Не переживай, девок у тебя будет много - вся жизнь впереди, а то, что сам пришел, - эх, все бы так!..

Слегка пожурив парня, дежурный посоветовал ему зайти попозже, после того, как они сдадут смену. По-человечески его можно было понять: ну кому хочется в конце рабочего дня исписывать горы бумаги, выезжать на место происшествия, допрашивать, разбираться?.. Юра так и сделал, как ему посоветовали. Съездил на пару дней в село, а по возвращении в Киев, не заходя домой, пошел в милицию, предусмотрительно прихватив с собой теплые вещи. Вот так Юра и очутился в нашей камере, с удивлением обнаружив, что

тюрьма вовсе не такая, как её показывают по телевизору.

Внешне поведение Юры мало чем отличалось от поведения остальных арестантов. Он охотно рассказывал, как ездил на заработки в Подмосковье, шутил... Не скулил, как другие. Только вот иногда задавал странные вопросы, обращенные то ли к сокамерникам, то ли к самому себе. Однажды утром он спросил у соседа по нарам:

- Как ты думаешь, она там меня ждет?

Усыпанный с головы до ног ярко-рыжими веснушками, не в меру подвижный Жора, предпочитающий ходить в гости через форточку, когда хозяев нет дома, вытащил зубную щетку изо рта:

- Да ты гонишь, братуха. Она в земной жизни гуляла налево-направо, а ты хочешь, чтобы такая на том свете берегла себя для тебя?

- Я не гоню. Гонят дерьмо по трубам, - оскорбился каменщик, поджав упрямые губы. - Нет, ждет. Мы сегодня с ней всю ночь говорили.

Жорик прополоскал рот и аккуратно упрятал зубную щетку обратно в пенал:

- Юрок, как развестись с женой в земной жизни ты придумал, а вот как вы будете

разводиться на небесах, когда сойдется по-новой? На облаках-то топора нет. Хе-хе...

В десять утра Жорика заказали без вещей, и он ушел на следственку знакомиться с делом. Около одиннадцати Юра полез вешать веревку, — как мы думали, для сушки белья, — а в результате завис на ней сам. До сих пор удивляюсь, как самодельная веревка выдержала такой большой вес, тем более что Юра сиганул в петлю с верхней нары, к тому же с разбега. Я обернулся, услышав едва различимый, странный и неприятный звук, словно кто-то сломал карандаш, зажав его между пальцами. Оказалось, это хрустнули Юркины позвонки.

Больше всех расстроился, как всегда, Жора, вернувшийся в камеру, когда Юру уже унесли и всех заказали с вещами.

- Вот так - ни с того, ни с сего, не попрощавшись... - Жора задыхался от возмущения. - Почему мне так не везет? Как сидеть, так мне, а как что-то интересное происходит, так всегда без меня!..

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

Возможность свободно приобретать оружие создает огромный соблазн для всякого рода маньяков и психопатов, равно как для самоубийц. Пули Ли Лоуэлла Эндрюза - лишь капли в свинцовых бурях, кочующих по США. Очередную такую бурю поднял 15 августа 1966 года Чарльз Джозеф Уайтмен, 25-летний студент архитектурного факультета университета г. Остин (штат Техас), веселый голубоглазый блондин. До того, как влиться в дружную семью студентов, Уайтмен служил в морской пехоте, был прекрасным снайпером. Однажды он вспомнил о своих боевых навыках и ему стало обидно, что они пропадают без толку. Что ж, решил он, тряхнем стариной. Вечером 14 августа Уайтмен закончил приготовления - уложил оружие (винтовки, пистолеты, нож, продовольствие, воду) и сел за пишущую машинку. Он написал свое последнее послание:

"ТЕМ, КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ.

Я не знаю, что толкнуло меня написать эту записку. Но я хочу сказать вам, что этот мир не стоит того, чтобы в нем жить..."

Затем он написал, что ненавидит своего отца, преуспевающего бизнесмена, который развелся с его матерью, но что он, Уайтмен, очень любит свою жену, и именно поэтому намерен убить ее, когда она вернется с работы. - "Мне не хочется, чтобы она испытала затруднения, которые могут вызвать мои действия..."

В это время к Уайтмену заглянули его приятели-студенты, и письмо осталось неоконченным. Но свое намерение Уайтмен выполнил. Проводив друзей, он сел в свою машину, заехал за женой на ее работу и, привезя домой, аккуратно убил ножом. Тело жены он положил на кровать, накрыл простыней и поехал к матери. Мать он тоже убил - выстрелом из пистолета. Возле трупа Уайтмен оставил записку: "Я только что убил свою мать. Если есть рай, она уже направляется туда. Если рая нет, она все же избавилась от своих бед и забот. Я люблю свою мать всем своим сердцем". На двери квартиры он прикрепил записку: "Мама нездорова, и она не сможет пойти на работу".

Вернувшись домой, Уйатмен сделал короткую приписку к неоконченному письму: "Три часа после полуночи. Жена и мать мертвы". Затем он ненадолго прилег. Неизвестно, спал он или нет, но в 7.15 утра Уйатмен уже брал напрокат в одном магазине маленькую багажную тележку, а немного погодя купил в кредит в оружейном магазине двенадцатизарядную винтовку. Мешок с оружием, припасы и тележку он положил в машину и поехал в альма матер. Когда он вкатил тележку с мешком в холл университета, дежурный равнодушно отвернулся, приняв его за рабочего-ремонтника, который тащит свой инструмент (Уайтмен оделся соответствующим образом). На скоростном лифте за 30 секунд бывший снайпер морской пехоты поднялся на 27-й, последний этаж университета. Оттуда он по лесенке втащил тележку с мешком на смотровую площадку.

В это время здесь наслаждалась видом на город 47-летняя служащая университета Эдна Тоупелли. Уайтмен хладнокровно застрелил ее и затем принялся готовить свою позицию по всем правилам снайперского искусства. Оборудовал огневые точки и пункт питания. Уайтмен считал, что его пребывание на крыше университета - это всерьез и надолго. Вот список вещей, которые он захватил с собой: винтовки (3 штуки), пистолеты (2 штуки), ножи и кинжалы (3 штуки), патроны (600 обойм), консервы (более 10 банок), вода (бутыль на 5 галлонов), термос с горячим кофе, будильник, зубная щетка, электрофонарь,

солнцезащитные очки, перчатки (2 пары), туалетная бумага (2 рулона), флакон с жидкостью против дурного запаха.

Смотровая площадка на крыше университета частенько привлекала к себе посетителей. Нынешнее утро не стало исключением. Едва Уайтмен обустроился, как семья из 5 человек - муж, жена, двое их сыновей и сестра жены - поднялась по лестнице на площадку. Первым шагнул 15-летний сын. Он и получил первую пулю. Оба сына были убиты, жена и сестра тяжело ранены, уцелел только шедший последним муж - убитые и раненые свалились на него сверху с лестницы.

Прогнав таким решительным образом посетителей, Уайтмен принялся выбирать "объекты" в городе и обстреливать их.

Первыми внизу на его мушку попались 18-летний парень Пат Зоннтаг и его подружка Клодия Рутт. Сначала Уайтмен выстрелил в девушку. Клодия крикнула: "Помогите!" - и упала. Зоннтаг бросился к ней. Снова выстрел... Оба были убиты.

В трех кварталах от университета Уайтмен увидел через оптический прицел какого-то рабочего; это двадцатидевятилетний электрик Рой Делл кончал ремонт проводки. Выстрел... И этот был убит наповал.

Теперь пули летели во все стороны, как пчелы из потревоженного улья. Никто в городе не понимал, что происходит, - всюду падали люди, убитые с профессиональной точностью либо в

голову, либо в грудь. Когда все было кончено, и репортеры интервьюировали отца убийцы, он с гордостью сказал: "Чарли всегда был отличным стрелком. Вы знаете, я сам фанатик оружия. У меня отличная коллекция, и мой мальчик научился великолепно стрелять".

Ведя прицельный огонь, Уйатмен убил 15 человек и ранил 33. Одной из его жертв стал младенец в чреве беременной женщины - пуля, пробив живот, попала именно в него, а мать младенца осталась жива.

Когда было обнаружено, где скрывается убийца, под прикрытием броневиков полицейские поставили дымовую завесу и бросились на штурм. На 27-м этаже университета они обнаружили обезумевшего отца семейства, рыдавшего над телами жены, свояченицы и сыновей. Полицейские выбили забаррикадированную дверь и, выбравшись на площадку, убили упорно отстреливавшегося Уайтмена. В его теле насчитали потом семь пуль.

В этой истории есть своя изюминка. Дело в том, что еще в 1952 г. в США вышел роман Форда Кларка "Открытое пространство", где описывалось, как некий студент со Среднего Запада, возненавидев своего отца и лицемерное общество, поднялся на крышу студенческого общежития и стал стрелять по случайным прохожим... Спустя 14 лет пророчество сбылось. (Писатели вообще обладают таким даром - вспомним "Бесов" Достоевского, где

предсказано, что русская революция положит на свой кровавый алтарь 100 миллионов жизней²).

Один из последних американских убийц, "прославившихся" благодаря огнестрельному оружию, - Патрик Пердью. В январе 1989 г. он сделал около 100 выстрелов из автомата АК-47 по группе детей во дворе начальной школы в городке Стоктон (штат Калифорния). Убив пятерых школьников, ранив еще 29 и одного учителя, убийца застрелился. И вот еще несколько типично американских историй.

В Уотсонвилле (штат Калифорния) некий Игнасио Васкес Сегура вошел в упаковочный цех грибной фермы, где работала его бывшая подруга. Девушки на месте не оказалось. Тогда он подозвал одну из ее приятельниц, 24-летнюю Ракель Гутьеррес, застрелил ее, а потом открыл беспорядочную стрельбу из полуавтоматической винтовки, ранив еще двух человек. С места убийства Сегура бежал на спортивном автомобиле, а когда был настигнут полицией, покончил с собой.

Другой молодой подонок Чарльз Шмидт из города Туксона (штат Аризона), сын владельца роскошной частной клиники, 3 мая 1964 г. убил свою знакомую Алин Роув, а 16 августа 1965 г. двух девушек - сестер Фриц. Тела девушек он

² А также роман-фэнтези М. Робертсона «Тщетность», с описанием событий на вымышленном «Титанике», произошедших через добрый десяток лет с настоящим «Титаником». (— Ред.)

оставил в пустыне. Он намеревался убить еще одну знакомую и, если бы не его друг, влюбившийся в эту девушку и сообщивший о планах Шмидта в полицию, список жертв, очевидно, был бы продолжен.

Этот Шмидт вообще был большой оригинал. Он красил лицо в бронзовый цвет, губы - в белый, а волосы - в черный.

Когда исчезли сестры Фриц, их отец обратился за помощью к местным мафиози (совсем как в зачине романа Марио Пьюзо "Крестный отец"). Но, в отличие от романа, мафия не помогла. Хотя мафиози пытались Шмидта, он обманул их, сказав, что девушки сбежали в другой штат, но что он готов помочь их найти. Мафиози поверили и отпустили парня, договорившись о совместной поездке за сестрами. Там, куда они прилетели, их уже ждала полиция, которой Шмидт пожаловался на преследование мафии. В итоге мафиози угодили за решетку, а Шмидт дышал сладким воздухом свободы до тех пор, пока его не выдал друг. Суд приговорил этого молодого человека к смертной казни.

Сейчас модны всякие конкурсы, и, если из этого калейдоскопа типов выбирать мистера Убийство, то, возможно, на сей титул потянет Чарльз Миллер Мэнсон - основатель секты, поклонявшейся одновременно Христу и сатане. Мэнсон, сын проститутки, родился в 1933 г. и к 34-летнему возрасту успел 18 лет провести в

тюрьмах и исправительных колониях. Освободившись из тюрьмы в очередной раз в марте 1967 г., Мэнсон приехал в Сан-Франциско.

В Америке в это время входило в моду движение хиппи. Люди, не знавшие, как жить, или не хотевшие жить по тем правилам, которые предлагало общество, искали свой путь в жизни. Они искали иные ценности - пусть даже экстравагантные, шокирующие, но отличающиеся от того, что их окружало. Потершись около хиппи и быстро сообразив, как легко манипулировать их психикой, Мэнсон сколотил вокруг себя кружок молодых людей, которым объявил, что он «Мэнсон» (в переводе с английского - "Сын человеческий"), и, подобно Христу, является сыном Бога; но одновременно он и дьявол, и это позволяет ему властвовать как над добром, так и над злом. На левой руке Мэнсона было выколото слово "Сатана*", а на правой - "Иисус".

Еще сидя в тюрьме, Мэнсон обнаружил склонность к эксгибиционизму, мазохизму, понял, что может гипнотически влиять на людей. Кружок поклонников Мэнсона (в основном это были девушки) превратился в своего рода "племя", "семью". Вступающие в "семью" девушки должны были подвергнуться коллективному изнасилованию, что являлось основанием для выдачи "сертификата сатанизма". Обитала «семья Мэнсона» на заброшенном ранчо Спан, построенном некогда для съемок вестерна, в долине Смерти (знаменательное место!)

неподалеку от Лос-Анджелеса. Обычным развлечением "семьи" были сексуальные оргии и дьявольские мессы, на которых употреблялись наркотики. Члены "семьи" резали животных и пили кровь забитых собак, кошек, цыплят, коз, обмазывали кровью друг друга. Все это сопровождалось сексуальными извращениями и экстазом насилия. Иногда Мэнсон исподтишка снимал эти оргии на видеокамеру и продавал пленку в частные порно клубы. Один из свидетелей подобной оргии рассказывал: "Они закололи собаку, затем привели двух девушек. Они их раздели донага и облили собачьей кровью. Попросту держали труп собаки, из которого хлестала кровь, над их головами. Потом они обмазали девушек кровью там, куда вначале кровь не попала. Потом они все совершали с девушками половые акты, а в промежутках пили собачью кровь. Все это было омерзительно...»

Но вот однажды философия Мэнсона вырвалась за пределы ранчо. Мэнсон и люди из его "семьи" совершили несколько страшных преступлений.

Поздно вечером 8 августа 1969 года на роскошной вилле 10050 Чилео Драйв в предместье Голливуда Беверли Хиллз шла вечеринка, которую устроила жена кинорежиссера Романа Полански голливудская актриса Шарон Тэйт. Среди ее гостей были: Джей Себринг, хозяйка сети "салонов красоты", в прошлом знаменитая голливудская

парикмахерша, помощник Полански кинооператор Войтек Фриковски, дочь "кофейного короля" Абигайль Фолджер, 18-летний "свободный художник" Стив Перент. Вечеринка не отличалась ничем особенным. Вино, наркотики, светская болтовня, творческие планы, гениальные идеи... "А вы знаете, что Сюзи купила новую машину?" "Да что вы!" "Угадайте, кого теперь выбрал в любовники старый Д.Д.?" "Я придумал сногшибательную вещь --- надо только найти хорошего продюсера..." А утром всех этих людей нашли мертвыми.

Перент был убит четырьмя пулями в своем автомобиле - очевидно, в тот момент, когда он собирался уезжать. На лужайке перед домом лежали трупы: Фриковского - у него пуля в спине, тринадцать проломов в черепе и пятьдесят одна ножевая рана, - и Фолгер - на ее теле двадцать одна ножевая рана. Шарон Тэйт, изрезанная ножом до неузнаваемости, лежала с распоротым животом в луже крови на полу своей комнаты. Ее шею обвивала нейлоновая веревка, переброшенная через потолочную балку; другой конец веревки затягивал шею так же зверски искалеченного Джея Себринга. На стене кровью было написано: "Pigs!" ("Свиньи!"). Сутки спустя подобное убийство было совершено на вилле владельца сети магазинов самообслуживания Ла Бианки - погибли хозяин виллы и его жена. Одна из участниц убийства Шарон Тэйт и ее друзья,

которая в момент преступления стояла "на стреме", рассказывала на суде:

- Когда все было кончено и мы возвращались на машине в наше ранчо, Текс и Пат (Чарльз Уотсон и Патриция Кренвинкель. - А.Л.) жаловались, что эти свиньи, защищаясь, чуть не вырвали у них волосы. Сюзанна сказала, что ее сильно ударили. Пат говорила, что у нее болит кисть руки: когда бьешь ножом и попадаешь в кость, то сильно отдает в руку.

- А что было, когда вы вернулись на ранчо? - спросил судья.

- Чарли спросил, не испытываем ли мы угрызений совести. Мы ответили, что нет.

- А потом?

- Потом мы легли спать.

По одной версии, убийства Шарон Тэйт и ее гостей, а также убийства Ла Бианки и его жены Мэнсон осуществил для того, чтобы навести полицию на ложный след. Дело в том, что за две недели до резни в квартале Бель Эйр, 25 июля 1969 г. Мэнсон со своими "питомцами" Робертом Босолеем и Сюзанной Аткинс зверски убили музыканта Гарри Хинмэна, сына актрисы Дорис Дэй. Мэнсон требовал, чтобы Хинмэн отдал ему 20 тысяч долларов, полученных в наследство. Деньги нужны были Мэнсону для организации... музыкального фестиваля на ранчо, где жила

"семья". Мэнсон, ко всему прочему, сочинял дрянные песенки и воображал себя великим музыкантом. Он хотел быть известным на этом поприще всей Америке. Требуя от Хинмэна сказать, где лежат деньги, Мэнсон отрубил ему ухо. Но Хинмэн упорно молчал. Тогда его зарезали, а на стене вывели кровавую надпись: "Свинья".

Поначалу полиция не могла обнаружить никаких следов преступников, но Роберт Босолей был столь неосторожен, что начал раскатывать на автомобиле Хинмэна. На это обратили внимание, и 7 августа Босолей был арестован. В полиции он утверждал, что Хинмэн подарил ему эту машину до убийства. И вот, чтобы отвести подозрение от Босолея, Мэнсон и задумал серию убийств, аналогичных убийству Хинмэна. На следствии Мэнсон признался: "Я надеялся, что эти казни отнесут на счет негров. (Он имел в виду негритянскую организацию "Черные пантеры").

По другой версии, преступления "семьи" Мэнсона, возможно, явились составной частью борьбы между сектами "Друзья Люцифера" и последователями так называемого "черного папы". Роман Полански снял фильм по роману "сатаниста" И. Левина "Ребенок Розмари", который под названием "Семя дьявола" показывал группе поклонников Люцифера в Нью-Йорке. Если "сатанисты" из «семьи Мэнсона» сочли этот фильм враждебной по

отношению к сатане пропагандой, то этим также можно объяснить причину убийства в доме Полански. В пользу этой версии говорит связь "семьи" Мэнсона с жестокими криминальными бандами "Стрейт Сетенс" ("Слуги сатаны"), "Джипси Джокере", "Общество дьявола" и мазохистическими группами типа "Солар лодж", "Ордо темл ориентис".

Наконец, по третьей версии виною всему - разработанное Мэнсоном учение, согласно которому "последняя война на Земле", расовая война, начнется серией жесточайших убийств. Черные Соединенных Штатов поднимутся и устроят кровавую бойню белым, христианским и зажиточным семьям. Тут-то Мэнсон со своим войском выберется из подземелья где-нибудь в пустыне (из "города в дыре") и пройдет мародерским рейдом по опустошенным городам. Черные все-таки победят, но отдадут бразды правления белой элите, то есть Чарльзу Мэнсону, который к этому времени позаботится, чтобы Христос спустился на землю. Мэнсон назвал свой план "Хелтер Склтер" по аналогии с песней из "Двойного белого альбома" группы "The Beatles".

"Освободитель" Мэнсон не только читал проповеди, но и систематически готовил свою "семью" к осуществлению преступного плана. Вначале был подготовлен список из 34 человек - кинозвезд и коммерсантов, которых следовало убить. «Нельзя совершить убийство... - внушал Мэнсон своим "домашним", - если ты готов к

тому, что тебя убьют: ты сам должен быть готов к убийству. Пришло время распять свиней на кресте.»

Давая интервью газетчикам после ареста, Мэнсон заявил: - Я вдохновлялся Апокалипсисом и песней битлов "Спасайся, кто может!" Вы хотите знать мою философию? Хотите знать, откуда она? Я сейчас вам скажу. Я провел большую часть моей жизни в тюрьмах. Моя философия родилась там - под ударами дубинок и сапог, которыми меня топтали.»

Песенки Мэнсона, которыми он так хотел прославиться, после его ареста были выпущены на пластинке и стали довольно ходовым товаром - разумеется, не из-за их текстовых и музыкальных достоинств. Вот «классический образец» текстов Мэнсона:

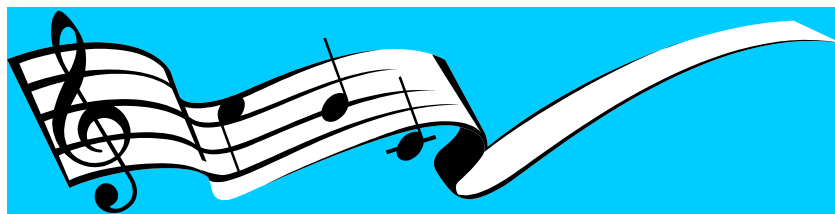
Я механический человек.
Я наилучшим образом делаю то, что могу.
Потому что у меня - семья.
Я механический ребенок,
Я игрушка своей матери.
Меня посылают позабавиться в саду...

Члены "семьи" Мэнсона, участвовавшие в жестоких убийствах - Патриция Кренвинкель, Сюзанна Аткинс, Лесли Ван Гутен, Чарльз Уотсон — вместе с Мэнсоном были приговорены к смертной казни. Однако все они счастливо избежали ее. 19 февраля 1972 г. верховный суд штата Калифорния отменил смертную казнь,

поскольку Верховный суд США по делу «Фурман против штата Джорджия» определил, что смертная казнь используется "произвольно и непостоянно" и представляет собой в нарушение Конституции "жестокое и необычное наказание". Спустя 4 года мораторий на смертную казнь в ряде штатов (в том числе и в Калифорнии), был отменен, но Мэнсон и его люди успели ускользнуть от электрического стула. Сидя в камере-одиночке тюрьмы в Сант-Квентине. Мэнсон сочинил "Послание к человечеству", где был и такой пассаж: "Я таков, каким вы меня сделали, и если вы называете меня бешеной собакой, дьяволом, убийцей, недоноском, то учтите, что я - зеркальное отражение вашего общества..."

Ну, тут Мэнсон все-таки неправ. Ведь мать Тереза - тоже отражение нашего общества. И Альберт Швейцер. И Андрей Сахаров. И Махатма Ганди. Так что зеркал у общества много. Просто каждый выбирает для себя то изображение, которое ему по росту.

(продолжение предполагается)

КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а

затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

*** * ***

Глава 8. Сквозь железный занавес

(...)

Хотя и существовала такая шутка: "Курица - не птица, Польша - не граница", на самом деле, Польша тогда была для нас почти западной страной, заметно отличавшейся от таких соцстран, как Румыния, Болгария или ГДР. С этой страной Россию связывали давние и очень сложные отношения. Будучи долгое время провинцией Российской империи, гордая

Польша, всегда тяготевшая к западной культуре, особенно к французской, выработала свое особое отношение к русским, которое нельзя назвать ненавистью. Это скорее неприязнь, похожая на вражду между близкими, кровными родственниками, осознающими и ценящими свое родство. Правда, после Второй мировой войны и эти отношения были значительно ухудшены. Раздел Польши между Гитлером и Сталиным, цинизм Катынского дела, пассивное предательство нашими войсками Варшавского восстания и, наконец, насильственное присоединение Польши к соцлагерю после войны - все это придавало отношению подавляющего большинства поляков к советским русским скрытно-злой оттенок. В то время в СССР не было еще никакой информации о перечисленных выше факторах, а мы, выходя на перрон варшавского вокзала, и не подозревали о том, с какой холодностью и неприязнью нам придется еще столкнуться. Зловещие напутствия о необходимости соблюдать бдительность, не вступать ни в какие контакты, ходить по улицам не меньше, чем по трое и т.п., полученные на специнструктаже в ЦК ВЛКСМ, мы пропустили мимо ушей, как обычную советскую агитку. Но уже в первый же вечер с нами произошел смешной, но типичный случай, когда мы все вместе шли в гостиницу, и нам повстречался сильно подвыпивший пожилой поляк, типа простого рабочего, маленький и тщедушный. Когда он, услышав русскую речь,

осознал, откуда мы, то ему сразу захотелось как-то выразить свое явное негодование. Он преградил нам путь и стал спрашивать: "Русские? Русские?" Мы остановились и сказали: "Да, да - русские!" Он, сильно качаясь, задумался на некоторое время, очевидно вспоминая русские слова, на которых лучше всего выразить свое отношение к нам. Мы немного напряглись, ожидая какой-нибудь брани. А он вдруг сказал: "Хрущев - пук-пук!". От неожиданности мы рассмеялись, так как и для нас Хрущев тоже был типичный "пук-пук". Позже, во время самого фестиваля, нам пришлось столкнуться с более рафинированными и завуалированными формами польского высокомерия по отношению к русским со стороны более аристократической части польского общества, и это, честно сказать, были не самые приятные моменты нашего первого пребывания за границей. Но стоило нам войти в обычный человеческий контакт с кем-либо из организаторов фестиваля или с польскими музыкантами, как отношение сразу же менялось. Нас уже не воспринимали как представителей Советского Союза и общались просто как с джазменами. А уж после нашего выступления мы приобрели там много хороших друзей, и надолго.

И вот здесь произошел один инцидент, о котором мне хотелось бы вспомнить. Во время репетиции, когда каждая минута была на вес

золота, в зале сидел и слушал нас композитор Арно Бабаджанян. После первого часа мы решили сделать небольшой перерыв. И тут он поднялся на сцену и предложил нам посмотреть и его пьесу, сочиненную только что, по случаю фестиваля, под названием типа "Привет, Варшава!". Он раздал нам ноты, написанные на небольших листочках. В то время Арно Арутюнович уже был одним из самых популярных в Советском Союзе эстрадных композиторов-песенников, маститым и влиятельным. Его песни в ритме модного тогда твиста распевали основные наши певцы во главе с Муслимом Магомаевым. Но эти шлягеры ну никак с джазовой культурой не ассоциировались, и поэтому мы были застигнуты врасплох его предложением. Дело в том, что Арно Арутюнович был замечательным, душевным человеком, мы это почувствовали с самого начала поездки, и обижать его отказом было бы целой проблемой. Мы сразу же одинаково оценили обстановку и стали смотреть ноты в надежде, что это произведение поддастся джазовой обработке. Но, увы, это оказался инструментальный вариант типичной неджазовой песенной мелодии с очень простой гармонией. Это было написано рукой мастера, но пригодно для совсем другого применения. Для джазменов чистота стиля является чуть ли не главным условием, так что мы честно ему об этом сказали и продолжали репетировать свои композиции. Арно Арутюнович явно напрягся,

но виду не подал, и его можно было понять. С одной стороны, мы для него были тогда никем как композиторы — в лучшем случае он считал нас всего лишь исполнителями, ну - импровизаторами. С другой - он почувствовал в этом эпизоде, что имеет дело с некоей замкнутой кастой, обладающей своими секретами, недоступными ему. Более того, эта каста не приняла его в свой круг. В следующем перерыве, когда мы спустились в зал, чтобы передохнуть и перекусить, Бабаджанян поднялся на сцену, сел за рояль, и, как бы разминаясь, вдруг начал играть какую-то необычную, изощренную и очень сложную по своей структуре музыку, политональную, полиметричную. До этого я такой музыки почти не слышал. Я открыл ее для себя гораздо позже, во времена авангардного джаза, когда пришлось поневоле изучать все - от Шёнберга и Берга до Пендерецкого и Кейджа. Но в тот момент я осознал, что Бабаджанян решил показать нам свое истинное лицо композитора-авангардиста, о котором знали лишь немногие, поскольку Арно Арутюнович избрал путь песенника после известных постановлений партии и правительства, после травли на проявления современных веяний в советской музыке в 1947-48 годах. Показав нам свой класс, Бабаджанян покинул сцену, а мы продолжили репетицию, поняв, что проблемы больше не существует.

Одно из ярчайших воспоминаний от этой поездки по стране связано с экскурсией в бывший концлагерь Освенцим. Наше поколение, выросшее во время войны, пережившее бомбежки, оккупацию, эвакуацию и многое другое, наслышанное о фашистских зверствах, трудно было удивить чем-то новым. Когда нам сказали об этой экскурсии, мы отнеслись к ней как к типичному советскому необходимому мероприятию. Но когда мы попали на территорию концлагеря и увидели вблизи эти печи, бараки и газовые камеры, эти горы женских волос, детских очков, игрушек, протезов, ночных горшочков — мы были потрясены. Затем нас завели в небольшой кинозал и показали редкие кино- и фотодокументы об уничтожении людей. Я помню, что под конец у меня не было сил смотреть на все это, в горле встал комок. После этого мы даже не могли переговариваться друг с другом, пропал голос.

(...)

После того, как все главные задачи были решены, мы почувствовали себя свободнее и начали получать удовольствие от пребывания за границей. Единственным неприятным обстоятельством, характерным для нахождения за рубежом советских граждан, было полное отсутствие денег при огромном количестве соблазнов вокруг, начиная от шмоток и кончая

вкусной едой. В то время туризм в СССР только зарождался, но уже было известно, что нужно брать с собой в разные страны, чтобы продать или обменять это там, рискуя, правда, всей своей дальнейшей судьбой. Человек, попадавшийся на попытках получения иностранной валюты в другой стране любым путем, подвергался по возвращении довольно строгим мерам наказания, наименьшей из которых было лишение его права выезда за границу "на всю оставшуюся жизнь". Тем не менее, мы не могли увозить обратно взятые специально на продажу фотоаппараты, электробритвы и всякую другую мелкую технику советского производства, пользовавшуюся тогда в Польше определенным спросом. Но избавиться от всего этого, да еще незаметно от своих же, было делом непростым. Просто прийти в магазин и предложить свой товар было делом не очень приятным, и поначалу некоторые из нас нарвались на презрительный отказ. Но постепенно стало выясняться, что поляки очень любят всякие такие махинации, нужно только знать места. А места такие были, так как в Польше, несмотря на социализм, всегда существовали небольшие частные магазинчики и различные мелкие толкучки, причем в центре города, а не как у нас - далеко на окраине. Но при поиске таких мест возникала другая проблема, строжайшая конспирация, так как в нашей делегации были люди, которым явно было поручено оберегать нас от шальных поступков,

не доводить до ЧП, в результате которого пострадали бы не только мы, но и те, кто нас посылал. Да мы и сами сознавали всю эту сложную цепь взаимоотношений, но поделаться с собой ничего не могли - приехать из Польши и ничего никому не привезти казалось невозможным. Самым главным нарушением считалось выходить из гостиницы в город по одному. Только по двое, а лучше по трое, и при этом сообщать руководителям цель и маршрут прогулки. Мы так и делали, уходили по трое, а потом разбредались по своим делам, чтобы обделывать все без лишних свидетелей. Я помню, что в Кракове у меня был курьезный случай, когда я, нарушая все нормы, как в шпионском детективе, назначил встречу с одним польским саксофонистом, который очень захотел купить у меня ненужный мне теноровый американский мундштук для саксофона фирмы "Meyer", очень ценный. Тогда это была большая редкость даже в Европе. Мы встретились с ним на улице и шли к нему домой, чтобы попробовать мундштук, и тут я столкнулся лицом к лицу с человеком, который "отвечал" за нас. У меня все похолодело, так как я был пойман на месте преступления, один, в другом конце города, да еще с поляком. Но он как-то не среагировал на меня и даже сделал вид, что не заметил нас. И я понял почему. Он тоже шел не один, а с каким-то мужиком, причем, как мне показалось - русским. "Наверное, резидент", подумал я, и мы разошлись в толпе. Я продал

свой мундштук, получив кучу денег, посидел в гостях в типичном польском старинном доме, и с чувством тревоги вернулся в гостиницу. На первом же собрании (а они проводились ежедневно) я ожидал, что мое нарушение станет предметом обсуждения и порицания, но тот человек не подал и виду, что ему что-либо известно, и никогда вообще не упоминал об этом нигде. Я приписал тогда этот необычный поступок тому, что он и сам имел рыльце в пушку, и не хотел рисковать. Хотя, возможно, он просто ко мне отнесся по-человечески, или не захотел подводить всю делегацию.

Кстати, с этим нашим "искусствоведом в штатском" был небольшой забавный случай. Когда мы жили в гостинице в Варшаве, то его номер оказался соседним с тем, где поселили нас с Товмасыном. В каждой комнате был радиоприемник, и как только мы это обнаружили, первым желанием стало включить его и послушать один из вражеских голосов на русском языке, в надежде, что здесь их не глушат. И действительно, мы поймали не то "Голос Америки", не то "Свободу" и стали наслаждаться. Вдруг в голову пришла мысль, что наш сосед за стеной может это услышать, и тут же другая мысль - что он наверняка тоже слушает. Как заправские разведчики, мы решили это проверить. В номере была ваза для фруктов и мы использовали ее как подслушивающее устройство. Приставили ее широким раструбом к стене, разделявшей номера, а ухо

прикладывали с основанием. Эффект оказался потрясающим - было прекрасно слышно все, что происходит за стеной, а главное, что наш сосед слушал ту же передачу. Тогда мы позволили себе легкое развлечение. Один из нас прикладывался к стене, а другой шел и стучался в номер нашего соседа с каким-нибудь дурацким вопросом. В вазе было прекрасно слышно, как услышав стук в дверь, он спешно начинал крутить ручку настройки, переходя на другую волну. Через некоторое время, оставшись один, "искусствовед" снова настраивался на "вражескую" волну, а мы повторяли свою невинную шутку снова, но поменявшись ролями.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Начиная с этого момента в опубликованном нами отчете события излагаются практически настолько полно, насколько необходимо - во всяком случае, настолько просто, что читатель сможет легко усвоить все факты. Поэтому я воспроизведу здесь этот отчет в полном объеме.

"В воскресенье, третьего октября, в доме мистера Хьюма, расположенном в Симле, состоялся обед, на котором присутствовали мистер и миссис Хьюм, мистер и миссис Синнетт, миссис Гордон, мистер Ф.Хогг, капитан П.Дж.Мэйтленд, мистер Битсон, мистер Дэвидсон, полковник Олькотт и мадам Блаватская. Поскольку многие из этих лиц совсем недавно были свидетелями необычайных явлений, которые происходили в присутствии мадам Блаватской, то разговор зашел об оккультных феноменах. В ходе беседы

мадам Блаватская спросила у миссис Хьюм, нет ли у нее какого-либо особого желания. Сначала миссис Хьюм колебалась, но вскоре сказала, что ей больше всего хотелось бы получить одно небольшое ювелирное изделие, ранее принадлежавшее ей; впоследствии она передала эту вещицу другому человеку и по его вине лишилась украшения. Тогда мадам Блаватская сказала, что если миссис Хьюм сконцентрируется на образе предмета, о котором идет речь, то она, мадам Блаватская, постарается доставить ей эту вещь. Миссис Хьюм сказала, что ей живо припоминается это украшение; она описала его как старомодную нагрудную брошь, обрамленную по краям жемчугом, со стеклянной вставкой спереди. Сзади брошь открывалась, так что в ней можно было хранить прядь волос.

По просьбе мадам Блаватской, миссис Хьюм бегло нарисовала на бумаге приблизительное изображение броши. Затем мадам Блаватская взяла монетку, висевшую на цепочке ее часов, завернула ее в два листка папиросной бумаги и спрятала в платье. После этого она заявила, что надеется, что брошь будет у нее в течение вечера. Когда обед уже подходил к концу, мадам Блаватская сказала миссис Хьюм, что монетка, обернутая бумагой, исчезла, а чуть позже, в гостиную, добавила, что брошь не будет доставлена в дом и что ее нужно искать в саду. Когда все общество перешло в сад вместе с мадам Блаватской, последняя сообщила, что

увидела оккультным зрением, как брошь упала в цветочную клумбу, имеющую форму звезды. Мистер Хьюм повел нас к указанной клумбе, которая находилась в дальней части сада. Вооружившись фонарями, мы предприняли долгие и тщательные поиски, и, наконец, миссис Синнетт нашла маленький пакетик, состоявший из двух листков папиросной бумаги. Его немедленно развернули и обнаружили в нем брошь, которая в точности соответствовала описанию и в которой миссис Хьюм опознала некогда потерянное украшение. Никто из присутствовавших, исключая мистера и миссис Хьюм, никогда не видел этой броши и не слышал о ней. Мистер Хьюм не вспоминал о ней уже много лет. Миссис Хьюм никогда ни с кем не заговаривала о броши с тех пор, как с нею рассталась, и даже не думала о ней. Как заявила после обнаружения броши сама миссис Хьюм, воспоминание об этом украшении, подарке ее матери, промелькнуло в ее сознании только после того, как мадам спросила ее, не желает ли она получить какую-нибудь вещь.

Миссис Хьюм - не спиритуалистка и до этого случая вообще не верила ни в оккультные явления, ни в способности мадам Блаватской. Все очевидцы убеждены, что этот феномен совершенно безупречен по своим характеристикам и служит доказательством того, что оккультные явления действительно возможны. Найденная брошь - бесспорно, та самая, которую когда-то потеряла миссис Хьюм.

Даже если предположить практически невозможное, а именно - что вещь, потерянная за несколько месяцев до того, как миссис Хьюм впервые услышала о мадам Блаватской, вещь, на которой не было ни инициалов, ни других признаков, позволяющих определить его владелицу, досталась мадам Блаватской обычным путем, то даже и в этом случае мадам не могла предвидеть, что ее попросят именно о броши; сама же миссис Хьюм много месяцев подряд ни разу не вспоминала об этой вещи.

Данный отчет, предварительно зачитанный всей группе, подписали:

А. О.Хьюм
М.А.Хьюм
Ф.Р.Хогг
А.П. Синнетт
Элис Гордон
П.Дж. Мэйтленд
У. Дэвидсон
Пейшенс Синнетт
Стюарт Битсон".

Нечего и говорить, что после публикации отчета на девятиерых вышеназванных очевидцев обрушилась лавина насмешек; впрочем, издевки нисколько не поколебали уверенности этих людей в том, что изложенный в статье случай является вполне убедительным доказательством реального существования оккультных сил, - уверенности, о которой

свидетельствовали их подписи. Потоки критики, более или менее идиотской, имели целью показать, что все это происшествие наверняка было мошенническим трюком. Для многих жителей Индии наиболее авторитетным, несомненно, является следующее объяснение. Миссис Хьюм постепенно и весьма искусно готовили к тому, чтобы она попросила доставить ей именно это конкретное украшение, - готовили при помощи долгой предварительной беседы о демонстрации феномена, ради которого мадам Блаватская и пришла в ее дом. Другое авторитетное мнение, которого придерживается часть общественности в Индии, заключается в том, что брошь, которую миссис Хьюм подарила своей дочери, эта молодая леди вовсе не потеряла, а передала самой мадам Блаватской год назад, по дороге в Англию, проезжая через Бомбей, где в то время жила мадам. Самодовольные авторы этой гипотезы совершенно не пытаются разобраться в заявлении молодой леди, где она утверждает, что потеряла брошь еще до того, как поехала в Бомбей, и вообще до того, как впервые увидела мадам Блаватскую. При этом люди, считающие сам факт того, что брошь некогда принадлежала дочери миссис Хьюм и что эта молодая леди однажды виделась с мадам Блаватской в Бомбее, достаточно "подозрительным", чтобы уничтожить впечатление от случая с брошью в том виде, в каком он был описан выше, - эти люди, как я понял, даже не пытаются

проследить последовательную цепь событий и сопоставить свои подозрения с реальными обстоятельствами, при которых миссис Хьюм вновь обрела свою брошь. Как ни организовывай условия для демонстрации оккультных сил, как ни старайся устранить любую возможность мошенничества, это все равно не поможет предотвратить обвинения в обмане со стороны тех, кто готов использовать любой, даже самый абсурдный аргумент для нападок на непривычную идею.

Что касается самих свидетелей феномена, то условия, в которых он осуществился, были столь безупречны, что эти люди, размышляя о том, какие возражения может выдвинуть против него публика, не смогли угадать ни одного из ее будущих аргументов - ни версию о том, что миссис Хьюм постепенно наводили на мысль о броши в процессе разговора, ни предположение, что мисс Хьюм ранее передала эту брошь мадам Блаватской. Ведь очевидцы знали, что не было никаких предварительных разговоров ни о броши, ни о какой-либо демонстрации оккультных способностей, и мысль о том, чтобы миссис Хьюм попросила для себя какую-нибудь конкретную вещь, родилась спонтанно, а сама миссис Хьюм упомянула о броши почти сразу же после этого. Что же до гипотезы, будто бы осуществлению феномена, сама того не ведая, способствовала мисс Хьюм, то им и в голову не приходило, что можно предположить нечто подобное. Они не предвидели, что кто-нибудь

окажется настолько туп, чтобы, закрывая глаза на важные обстоятельства, сосредоточить все внимание на совершенно незначительной подробности. Если же взять саму по себе версию о том, что брошь (хотя это практически невозможно) попала к мадам Блаватской каким-то естественным путем, то и в этом случае мадам никоим образом не могла заранее догадаться, что у нее попросят именно эту вещь.

Размышляя о том, что именно послужит причиной грядущего недоверия публики к произошедшему феномену (а в том, что публика откажется верить, почти не приходилось сомневаться), очевидцы могли предположить лишь обвинение в лжесвидетельстве и сокрытии ряда фактов, которые, по мнению критиков, уверенных в превосходстве своего интеллекта, обесценивают все остальное, либо обвинение, что миссис Хьюм тоже состояла в заговоре. Это предположение, которое наверняка придет в голову читателям в Англии, было воспринято очевидцами феномена как один из наиболее забавных его результатов. Ведь все мы знали, что миссис Хьюм столь же не расположена к участию в тайных сговорах такого рода, сколь и не способна на нарушение морали, которое подразумевает подобное участие.

Более того, на определенной стадии своей работы мы рассмотрели вопрос о том, насколько удовлетворительны условия, в которых осуществляется феномен. Раньше уже

случалось, что в феноменах мадам Блаватской в конечном счете обнаруживались недостатки, вызванные тем, что никто не удосуживался заранее продумать условия эксперимента. По этой причине в случае, который я описываю сейчас, после того, как мы встали из-за стола, один из наших друзей высказал предположение, что, прежде чем мы двинемся дальше, будет уместно задать всем присутствующим следующий вопрос: если брошь удастся "сотворить", будет ли этот успех в данных обстоятельствах служить удовлетворительным доказательством участия оккультных сил? Тщательно продумав то, как развивалась ситуация, мы все пришли к выводу, что этот тест будет совершенно идеальным и что в цепочке аргументов не найдется ни одного слабого звена. Именно после этого мадам Блаватская сообщила, что брошь окажется в саду и что мы можем направиться туда и приступить к поискам ее.

Для лиц, которым ранее уже довелось наблюдать другие феномены, описанные мною, особый интерес представляло одно обстоятельство: как было сказано выше, мы нашли брошь завернутой в два листка папиросной бумаги. Рассмотрев их дома при ярком свете, мы заметили, что на них до сих пор сохранился отпечаток монеты с цепочки часов мадам Блаватской - той монеты, которую мадам завернула в эти листки, прежде чем отправить их к таинственной цели. Когда все оправились

после первого потрясения (ведь присутствующим было крайне трудно поверить, что материальные объекты можно транспортировать при помощи оккультной силы), то эти листки опознали, признав, что именно их мы и видели, сидя за обеденным столом.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

Х.

Х. - эта буква является одним из важных символов в Оккультной философии. Как число, **Х** в математике обозначает неизвестную величину; в оккультных числах - совершенное число 10; когда представлена горизонтально - _____, она означает 1000; то же с чертой _____ - 10 000; и сама по себе, в оккультном символизме, она есть логос Платона (человек или микрокосм), крест-накрест в пространстве в форме буквы **Х**. Кроме того, _____ или крест внутри круга, имеет еще более ясное значение в Восточной оккультной философии; это Человек внутри своей собственной сферической оболочки.

КСЕНОФИЛ Пифагореец-адепт и философ; согласно Лукиану ("De Macrob."), Плинию и другим, дожил до возраста 170 лет, до конца сохраняя все свои способности. Он писал о музыке и был прозван "Музыкантом".

КСИЗУСТР (Греч.) Халдейский Ной, на ассирийских табличках, который, согласно Александру Полихистору, в истории десяти царей Бероза описан так: "После смерти (девятого) Ардата, его сын Ксизустр правил восемнадцать сари. В это время случился большой потоп". Предупрежденный своим божеством в видении о надвигающемся потопе, Ксизустр получает от этого божества приказ строить ковчег, собрать в нем своих родственников вместе со всеми различными животными, птицами и т.п., и довериться поднимающимся водам. Повинуясь божественному указу, Ксизустр представлен совершающим точно то же, что и Ной спустя много тысячелетий после него. Он посылает из ковчега птиц, которые возвращаются к нему обратно; затем, через несколько дней, он посылает их снова, и они возвращаются с ногами, запачканными грязью; но третий раз они больше не возвращаются к нему. Приплыв к высокой горе Армении, Ксизустр оставляет ковчег и строит алтарь богам. И только здесь появляется расхождение между политеичной и монотеичной легендами. Ксизустр, почтив и отблагодарив богов за свое спасение, исчез, и его товарищи "больше его не видели". Предание гласит, что благодаря его великому благочестию Ксизустр и его семья были перенесены, чтобы жить с богами, как он сам сообщил выжившим. И хотя тело его ушло, в воздухе был слышен его голос, который, известив их о случившемся, указал им вернуться в Вавилон и воздать должное добродетели, религии и богам. Это более похвально, чем насадить виноград, напиться его сока, и проклясть собственного сына.

У.

У. - Двадцать пятая английского алфавита и десятая еврейского - Иод. Это есть *litera Pythagorae*, пифагорейская буква и символ, указывающий на два ответвления, или тропы добродетели и порока, соответственно, правая - ведущая к добродетели, левая - к пороку. В еврейском каббалистическом мистицизме это есть фаллический мужской член, а также, как число, десять - совершенное число. Символически она представлена в виде руки с согнутым указательным пальцем. Ее числовой эквивалент - десять.

ЯДАВА (Санскр.) Потомок Яду; великого рода, в котором родился Кришна. Основателем этого рода был Яду, сын царя Яйати из Сомаванши или Лунной Расы. Именно при жизни Кришны - отнюдь не мифической личности, несомненно - было основано царство Дварака в Гуджерате, и именно после смерти Кришны (3102 г. до Р.Х.) все ядавы, находившиеся в городе, погибли, когда город был поглощен морем. Лишь несколько ядавов, которых во время катастрофы не было в городе, спаслись, чтобы продолжить этот великий род. Раджи Виджайа-Нагары в наше время являются одними из немногих его представителей.

Я (Евр.) Как утверждается в "Зохаре" - слово, с помощью которого Элохимы образовали миры. Слог этот есть народная переработка и одна из многих форм "тайного имени" Иао. (См. "Иахо" и "Яхо".)

ЯХО (Евр.) Фюрст показывает, что это то же, что греческое Иао. Яхо есть древнесемитское и очень мистическое имя верховного божества, тогда как Я (см.) и есть более позднее сокращение, которое сначала содержало в себе абстрактный идеал, но под конец стало относиться и связываться с фаллическим символом - лингамом творения. Как Я, так и Яхо были еврейскими "тайными именами", происшедшими от Иао, но халдеи имели Яхо еще до того, как евреи приняли это имя, и у них, как пояснено некоторыми гностиками и неоплатониками, это было высшее постижимое божество, восседающее над семью небесами и представляющее собой Духовный Свет (Атман, вселенский), лучом которого был Ноус, означая как разумного Демиурга Материальной Вселенной, так и Божественный Манас в человеке, оба будучи Духом. Истинным ключом к этому, сообщаемым только Посвященным, было то, что имя Иао было "трехбуквенным и его природа - тайной", как объясняли Иерофанты. Также и финикийцы имели верховное божество, имя которого состояло из трех букв и значения были тайными, оно также было Иао; а И-ха-хо было священным словом в египетских мистериях, которое означало "единое вечное и сокрытое божество" в природе и в человеке; т.е.

"вселенская Божественная Мыслеоснова", и человеческий Манас или высшее Эго.

ЯДЖНА (Санскр.) "Жертва", символом или изображением которой теперь является созвездие Мрига-ширас (голова оленя); а также одна из форм Вишну. "Яджна", говорят брамины, "существует изначально, ибо изошла от Верховного, в котором она покоится спящая от безначала". Это ключ к Трай-Видиа, трижды священной науке, содержащейся в стихах "Риг-Веды", которая преподает Яджну, или жертвенные тайны. Как говорит Хауг во Введении к "Айтарея Брахмане" - Яджна как невидимое присутствие существует во все времена, простираясь от Ахаванья, или жертвенного огня, до небес, образуя мост или лестницу, посредством которой жертвователю может сообщаться с миром дэв, "и даже при жизни подниматься в их обители". Это одна из форм Акаши, внутри которой мистическое Слово (или в ее основе лежащий "Звук") пробуждает ее к существованию. Произнесенное Жрецом-Посвященным или Йогом, это Слово получает творящие силы, и сообщается в виде импульса на земном плане с помощью тренированной Силы воли.

ЯКИН и БОАЗ (Евр.) Каббалистический и масонский символ. Два столба из бронзы (Якин - мужской и белый; Боаз - женский и красный), отлитые Хирамом Абифом из Тиря, называемым "Сыном Вдовы", для предполагаемого Соломонова (масонского) Храма. Якин был символом мудрости (Хокма), второй Сефиры; а Боаз - символом Разума (Бины); храм посреди этих двух рассматривался как Кэтер, венец, Отец-Матерь.

ЯКША (Санскр.) Класс демонов, которые, в народном индийском фольклоре, пожирают людей. В эзотерической доктрине они просто суть злые (элементальные) воздействия, которые перед взором провидцев и ясновидящих нисходят на людей - когда те открыты к восприятию подобных воздействий - наподобие огненной кометы или падающей звезды.

ЯМА (Евр.) В Оккультизме - олицетворенная третья коренная раса. В индийском Пантеоне Яма фигурирует в двух различных версиях этого мифа. В "Ведах" он является богом умерших, Плутонем или Миномом, у которого пребывают тени усопших - камарупы в Камалоке). В одном из гимнов о Яме говорится как о первом из людей, который умер, и первом, кто ушел в мир блаженства (Дэвачан). Это потому, что Яма есть олицетворение расы, которая была первой, наделенной сознанием (Манасом), без которого нет ни Неба, ни Гадеса. Яма представлен как сын Вивасвата (Солнца). У него была сестра-близнец по имени Ями, которая, согласно другому гимну, постоянно молила его взять ее в жены, чтобы продолжить род.

Вышесказанное имеет многозначительный символический смысл, который объясняется в Оккультизме. Как справедливо замечает д-р Мьюир, в "Риг-Веде" - величайшем авторитете по первичным мифам, задающим тоновой тон всем темам, лежащим в основе всех последующих вариаций - Яма нигде не представлен "как имеющий какое-либо отношение к наказанию грешных". Как царь и судья умерших, короче говоря, Плутон, Яма является гораздо более поздним измышлением. Истинный характер Яма-Ями следует изучать более, чем по одному гимну и эпосу, и необходимо собрать различные данные, разбросанные в десятках древних трудов, чтобы таким образом получить согласованность аллегорических показаний, которые будут найдены как подтверждающие и оправдывающие Эзотерическое учение, что в одном из своих мистических значений Яма-Ями является символом двойственного Манаса. Например, Яма-Ями всегда изображается зеленого цвета, облаченным в красное, и обитающим во дворце из меди и железа. Изучающие Оккультизм знают, к которым человеческим "принципам" надо относить зеленый и красный цвета, и соответственно железо и медь. "Двоякий владыка" - эпитет Яма-Ями - в эзотерических учениях китайских буддистов рассматривается как судья и преступник одновременно, как карающий за свои собственные злодеяния и сам злочинец. В индусских эпических поэмах Яма-Ями есть двойственное дитя Солнца (божества) от Санджны (духовного сознания); но тогда как Яма есть арийский "повелитель дня", появляясь как символ духа на Востоке, Ями есть царица ночи (тьмы, невежества), "которая открывает смертным дорогу на Запад" - символ зла и материи. В "Пуранах" Яма имеет множество жен (многих Ями), которые заставляют его пребывать в низшем мире (Патале, Миалбе и т.д.), и аллегория изображает его с поднятой ногой, чтобы дать пинок Чхайе, служанке его отца (астральному телу его матери, Санджны, метафизического аспекта Буддхи или Алайи). Как сказано в индусских Священных Писаниях, душа, когда покидает свою смертную оболочку, направляется в свое обиталище в низших областях (Камалоке или Гадесе). И там Писец, вестник Кармы, называемый Читрагупта (скрытая или сокровенная яркость), зачитывает отчет из Великой Летописи, где во время жизни человека неизгладимо запечатлелось каждое его деяние и мысль - и, согласно вынесенному приговору, "душа" или восходит в обитель "Питри" (Дэвачан), или нисходит в "ад" (Камалоку), или вновь рождается на земле в другой человеческой форме. Изучающий Эзотерическую философию легко распознает значения аллегорий.

ЯМАБУШИ или Ямабуси (Япон.) Секта очень древних и почитаемых мистиков в Японии. Они являются "активными" монахами, и если необходимо - воинами, подобно определенным йогам в Раджпутане и лама в Тибете. Это мистическое братство живет в основном недалеко от Киото, и знаменито своими способностями врачевания, как говорится в "Энциклопедии", где это слово переводится как "Братья Отшельники": "Они претендуют на владение магическими искусствами, и живут в убежищах в горах и скалистых отрогах, откуда они

выходят, чтобы предсказывать судьбу (?), писать заклинания и продавать амулеты. Они ведут таинственную жизнь и не допускают никого к своим тайнам, кроме как после утомительной и трудной подготовки постом и разновидности сурового гимнастического упражнения" (!!).

ЯСНА или **Үасна** (Пехл.) Третий раздел первой из двух частей "Авесты", Священного Писания зороастрийцев-парсов. "Ясна" составлена из литаний того же рода, как и "Висперад" (вторая часть), и из пяти гимнов или гатх. Эти гатхи являются древнейшими фрагментами зороастрийской литературы, какие известны парсам, так как они написаны на "особом диалекте, более старом, чем обычный язык Авесты" (Дармстетер). (См. "Зенд".)

ЯТИ (Санскр.) Мера длины в три стопы.

ЯТУ или **Ятудханы** (Санскр.) Разновидность демонов животной формы. Эзотерически, человеческие животные страсти.

ЯЗАТЫ (Зенд.) Чистые небесные духи, которые в "Вендидаде" представлены как разделяющие некогда свою пищу со смертными, которые таким образом приобщаются к их бытию.

ГОДЫ БРАМЫ Полный период "Века Браммы" (100 Лет). Равняется 311 040 000 000 000 годам. (См. "Юга".)

ИЕХИДА (Евр.) Букв., "Индивидуальность"; эзотерически, высшая индивидуальность или Атма-Буддхи-Манас, когда объединены в одно. Эта доктрина содержится в "Халдейской Книге Чисел", которая учит семеричному делению так называемых человеческих "принципов", что делает и Каббала в "Зохаре", согласно "Книге Соломона" (III, 104a, как переведено в "Каббале" И.Мейера). Во время зачатия Святой "посылает д'юк-на или призрак образа тени", подобный лицу человека. Это замышляется и оформляется в божественном целом, т.е. образе тени Элохима. "Элохим сотворил человека в своем (своих) целом", или образе, говорится в "Бытие" (I, 27). Именно целюм ожидает дитя и принимает его в момент его зачатия, и этот целюм есть наша линга шарира. "Руах с Нэфеш образуют подлинную личность человека", также и его индивидуальность или, как выразился бы каббалист, комбинация этих двух называется, если он (человек) заслуживает это, Иехида. Эта комбинация есть то, что теософы называют двойственным Манасом, Высшим и Низшим Эго, слитыми с Атма-Буддхи и ставшими одним. Ибо, как объяснено в "Зохаре" (I, 205b, 206a, изд. Броди): "Нэшама, душа (Буддхи),

включает в себя три степени, и поэтому имеет три названия, подобно вышеупомянутой тайне: а именно Нэфеш, Руа'х, Нэшама", или Низший Манас, Высшее Эго и Буддхи, Божественная Душа. "Необходимо также заметить, что Нэшама имеет три деления", говорится в "Каббале" Мейера, "высшее есть Ие-хи-да" - или Атма-Буддхи-Манас, последнее снова как целое; "средний принцип есть Хай-я" - или Буддхи и двойственный Манас; "и последняя и третья, собственно говоря, Нэшама" - или Душа вообще. "Они проявляются в Ма'хшаба, мысли, Целем, призраке образа, Цурат'ах, прототипах (майавических формах или рупах), и Д'юкне, тени призрачного образа. Д'мут, сходство или подобие (физическое тело) есть более низшее проявление" (с. 392). Таким образом, здесь мы находим верное отражение Эзотерической науки в "Зохаре" и других каббалистических трудах, полное эзотерическое семеричное деление. Каждый теософ, который изучал эту доктрину, очерченную сперва в "Оккультном Мире" и "Эзотерическом Буддизме" м-ра Синнетта, и позднее в "Теософе", "Люцифере" и других трудах, опознает ее в "Зохаре". Для примера сравните то, что преподается в теософских трудах о до- и посмертном состоянии трех высших и четырех низших человеческих принципов, со следующими словами из "Зоха́ра": "Так как эти три суть один узел, подобно как выше, в мистерии Нэфеш, Руа'х и Нэшама, они все суть одно и связаны в одном. Нэфеш (Кама-Манас) не имеет света от собственной субстанции; и именно поэтому она связывается с тайной гуфф, тела, чтобы обеспечить наслаждение и пищу и все, что ему требуется. ...Руа'х (Дух) есть то, что едет верхом на этой Нэфеш (низшей душе) и властвует над ней, и освещает (обеспечивает) ее всем, что ей требуется, т.е. (светом разума), и Нэфеш есть трон (проводник) этого Руа'х. Нэшама (Божественная Душа) переходит в этот Руа'х, она управляет им и освещает его Светом Жизни, а этот Руа'х зависит от Нэшама и получает от нее свет, освещающий его. ...Когда "верхняя" Нэшама восходит (после смерти тела), она направляется к... Старцу Старцев, Наисокровенному из всего Сокровенного чтобы получить Вечность. Руа'х (пока) не идет в Ган Эден (Дэвачан), потому что он (смешан с) Нэфеш... Руа'х идет вверх в Эден, но не так высоко, как душа, а Нэфеш (животный принцип, низшая душа) остается в могиле внизу (или Камалоке)." ("Зохар", II, 142а, изд. Кремона, II, fol. 63b, col. 252.) Трудно было бы не узнать в вышесказанном наши Атма (или "верхнее" Нэшама), Буддхи (Нэшама), Манас (Руа'х) и Кама-Манас (Нэфеш), или низшую животную душу; первая из которых после смерти человека направляется, чтобы присоединиться к своему интегральному целому, второй и третий идут в Дэвачан, а последний, или Камарупа, "остается в своей могиле", иначе называемой Камалокой или Гадесом.

ИЕНЭ, АНГАНТА Значение Анганта Иенэ известно всей Индии. Это есть действие элементала (бхута), который, привлеченный в чувственное и пассивное тело медиума, овладевает им. Другими словами, анганта иенэ буквально означает "одержжание". И сейчас индусы боятся

подобного бедствия столь же сильно, как и тысячелетия тому назад. "Ни один индус, тибетец или сингалез, если он только не самой низшей касты и ума, не может без дрожи ужаса смотреть на признаки "медиумизма", проявляющиеся в члене его семьи, не может не сказать, как теперь сказал бы христианин, что "в нем дьявол". Этот дар, благословение, и святая миссия, как это теперь называют в Англии и Америке, среди более древних народов, в странах-колыбелях нашей расы - где более долгий опыт, чем наш, научил их большей духовной мудрости - рассматривается как ужаснейшее несчастье."

ИЕСОД (Евр.) Девятая Сефира; означает Базис или Основание.

ИЕЦИРА (Евр.) Третий из Четырех Каббалистических Миров, относящийся к Ангелам, "Мир Формирования", или Олам Иецира. Его также называют Малахайа, или "Ангелическим". Это обитель всех правящих Гениев (или Ангелов), которые управляют и руководят планетами, мирами и сферами.

ЮЙ (Кит.) "Бытие", синоним Субхавы; или "Субстанция, самодающая себе субстанцию".

ИГГДРАСИЛ (Сканд.) "Мировое Древо в древнескандинавской Космогонии, ясень Иггдрасил; древо Вселенной, времени и жизни". Оно имеет три корня, которые спускаются до холодного Хэла и расходятся оттуда к Етунхейму, царству Хримтхурсов, или "Инеистых Великанов", и к Мидгарду, земле и обиталищу детей людей. Его верхние ветви протянулись в небо, а самая высокая ветвь дает тень Валгалле, Дэвачану павших героев. Иггдрасил вечно свеж и зелен, так как Норны, три пророчащие сестры, Прошлое, Настоящее и Будущее, ежедневно поливают его водами жизни из источника Урд, находящегося на нашей земле. Он засохнет и исчезнет только в тот день, когда будет завершена последняя битва между добром и злом; когда, при победе первого, жизнь, время и пространство выйдут за пределы жизни, пространства и времени.

Свое мировое древо имел каждый древний народ. У вавилонян было свое "древо жизни", которое было мировым деревом, чьи корни проникали в великую нижнюю глубь или Гадес, ствол был на земле, а верхние ветви достигали Зикум, высочайший небесный чертог. Вместо Валгаллы, они помещали его в верхнюю листву в святом доме Давкины, "великой матери" Таммуза, Спасителя мира - Солнечного бога, убитого врагами света.

И-ЦЗИН (Кит.) Древнекитайский труд, писавшийся поколениями мудрецов.

ЙИМА (Зенд.) В "Вендидаде" - первый человек, и, в своем аспекте духовного прародителя человечества, то же, что Яма (см.). Другие его функции не приводятся в книгах Зенд, так как столь многие из этих древних фрагментов утеряны, уничтожены, или каким-нибудь другим способом убережены от рук профанов. Йима не был рожден, ибо он представляет собой первые три человеческие Коренные расы, первая из которых "не рождена"; но он есть "первый человек, который умирает"; ибо третья раса, та, которую одушевили разумные Высшие Эго, была первой, в которой люди разделились на мужчин и женщин, и "человек жил и умирал, и рождался вновь". (См. "Тайная Доктрина", II, с. 766 и далее.)

ИМИР (Сканд.) Персонифицированная материя нашего глобуса в кипящем состоянии. Космическое чудовище в форме великана, которого в космогонических аллегориях "Эдд" убивают три творца, сыновья Бера, Один, Вили и Ве, которые, по преданию, одолели Имира и из его тела создали мир. Эта аллегория изображает три основные силы природы - разделение, формирование и развитие (или эволюцию) - побеждающие непокорного, буйного "великана" - материю и заставляющие его стать миром, или обитаемым глобусом. Любопытно, что древние, необразованные и примитивные язычники, со столь философски и научно правильными взглядами на происхождение и образование нашей земли, должны были, чтобы считаться цивилизованными, принять догму, что мир был сотворен из ничего!

ИОД (Евр.) Десятая буква алфавита, первая в четырехкратном символе сложного имени Jah-hovah (Иегова) или Jah-Eve, гермафродитной силы и существования в природе. Без более поздних гласных слова Иегова пишется как IHVH (буква Иод обозначает все три английские буквы у, i или j, в зависимости от того, что требуется в данном случае), и является муже-женским. Как показано в Каббале, буква Иод есть символ лингама, или мужского члена в его естественной тройной форме. Вторая буква Хе имеет своим символом иони, утробу или "окно-отверстие", как сказано в Каббале; символ третьей буквы Вау, является посох или гвоздь (епископский посох берет свое происхождение от этого), еще одна мужская буква; а четвертая одинакова со второй; полное значение будет - быть или существовать в одной из этих форм или в обеих. Таким образом, слово это или название является преимущественно фаллическим. Это есть имя воинственного Бога евреев, "Владыки Сонмов"; имя "агрессивного Иод" или Зод, Каина (благодаря перестановке), который убил своего брата женского рода, Авеля, и пролил его (ее) кровь. Это название, выбранное христианами писателями из многих других, явилось неудачным для их религии из-за своих ассоциаций и первоначального значения; это в лучшем случае число, а на самом деле, член. Эта буква Иод перешла в God и Gott.

ЙОГА (Санскр.) (1) Одна из шести Даршан или школ Индии; школа философии, основанная Патанджали, хотя истинная доктрина Йоги, та, о которой говорится, что она помогла подготовить мир к проповедям Будды, совершенно обоснованно приписывается более древнему мудрецу Яджнавалкия, автору "Шатапатха Брахманы" к "Яджур Веде", "Брихад Араньяки" и других известных трудов. (2) Практика медитации, как средство, ведущее к духовному освобождению. С помощью ее приобретаются психо-духовные силы, и вызванные экстатические состояния ведут к чистому и правильному восприятию вечных истин, как в видимой так и в невидимой вселенной.

ЙОГАЧАРЬЯ (Санскр.) (1) Мистическая школа. (2) Букв., учитель (ачарья) Йоги, тот, кто овладел доктринами и упражнениями экстатической медитации - кульминацией которых являются Махасиддхи. Неверно смешивать эту школу с Тантрой, или школой Махатантры, основанной Самантабхадрой, ибо существуют две Школы Йогачарья, одна эзотерическая, другая народная. Доктрины последней собрал и снабдил комментариями Асамгха в шестом веке нашей эры, и его мистические тантры и мантры, его формулы, литании, заклинания и мудры, если применяются без Гуру, конечно, послужат скорее целям колдовства и черной магии, чем истинной Йоги. Те, которые берутся писать об этом предмете, обычно представляют из себя ученых миссионеров и вообще ненавистников Восточной философии. От таких нельзя ожидать непредубежденных взглядов. Так, когда в "Sanskrit-Chinese Dictionary" Эйлера мы читаем, что отсчитывание мантр (которые он называет "заклинаниями"!) "должно сопровождаться музыкой и манипуляциями пальцев (мудра), и тогда может быть достигнуто состояние ментальной неподвижности (Самадхи)" - то тот, кто хотя бы немного знаком с истинной практикой Йоги, может только пожалеть плечами. Этот автор считает, что манипуляции пальцами, или мудра, необходимы для достижения Самадхи, "которое характеризуется тем, что нет ни мысли, ни уничтожения мысли, и которое состоит из шестикратного телесного (так!) и ментального счастья (йоги), вследствие чего происходит овладение сверхъестественной чудотворной силой". Никогда не будет достаточно предупреждать теософов против подобных фантастических и предвзятых объяснений.

ЙОГИ (Санскр.) (1) Не "состояние шестикратного телесного и ментального счастья, как результат экстатической медитации" (Эйтель); но состояние, которое, когда достигнуто, делает практикующего с этого момента полным хозяином своих шести "принципов", ибо он теперь погружен в седьмой. Это дает ему полный контроль - благодаря его знанию Себя и Себя - над его телесными, интеллектуальными и ментальными состояниями, которые, будучи неспособными более препятствовать или воздействовать на его Высшее Эго, предоставляют ему свободу существовать в его

первоначальном, чистом и божественном состоянии. (2) Также наименование того, кто практикует Йогу.

ИОНГ ГРЮБ (Тибет.) Состояние абсолютного покоя, то же, что Паранирвана.

ИОНИ (Санскр.) Утроба, женский принцип.

ЮДИШТХИРА (Санскр.) Один из героев "Махабхараты". Старший из братьев Пандавов, или пяти принцев Панду, которые сражались против своих ближайших родственников, Кауравов, сыновей их дяди по матери. Арджуна, ученик Кришны, был его младшим братом. "Бхагавад Гита" сообщает мистические детали этой войны. Кунти была матерью Пандавов, а Драупади - женою всех пяти братьев, - это аллегория. Но Юдиштхира, также как и Кришна, Арджуна и многочисленные другие герои, является также и исторической личностью, жившей около 5 000 лет тому назад, во время начала Кали Юги.

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ЕРЫ

- Дайте книгу-то, - канючил Бенедикт. - Не жидитесь, книгу дайте!

Никита Иваныч посмотрел на Лев Львовича, из диссидентов, а Лев Львович, из диссидентов, смотрел в окно. Лето, вечер, пузырь с окна сняли, - далеко в окно видать.

- Рано еще!

- Чего рано? Уж солнце садится.

- Тебе рано. Ты еще азбуку не освоил. Дикий человек.

- Степь да степь кругом, - ни к селу ни к городу сказал Лев Львович сквозь зубы.

- Я не освоил?! - поразился Бенедикт. - Я?! Да я!.. Да ить!.. Да я знаете сколько книг перечитамши? Сколько переписамши?!

- Да хоть тыщу...

- Больше!

-...хоть тыщу, все равно. Читать ты, по сути дела, не умеешь, книга тебе не впрок, пустой шелест, набор букв. Жизненную, жизненную азбуку не освоил!

Бенедикт обомлел. Не знал, что сказать. Такое вранье откровенное, прямо вот так тебе и говорят: ты - не ты, и не Бенедикт, и на белом свете не живешь, и... прям не знаю что.

- Вот уж сказали... То есть как же? Азбуку-то... Вот есть "аз"... "слово", "мыслете"... "ферт" тоже...

- Есть и "ферт", а есть и "фита", "ять", "ижица", есть понятия тебе недоступные: чуткость, сострадание, великодушие...

- Права личности, - подъялдыкнул Лев Львович, из диссидентов.

- Честность, справедливость, душевная зоркость...

- Свобода слова, свобода печати, свобода собраний, - Лев Львович.

- Взаимопомощь, уважение к другому человеку... Самопожертвование...

- А вот это уже душок! - закричал Лев Львович, грозя пальцем. - Душок! Не в первый раз замечаю, куда вы со своей охраной памятников клоните! От этого уже пахнет!

В избе, точно, пахло. Это он правильно подметил.

- Нет "фиты", - отказался Бенедикт: мысленно он перебрал всю азбуку, напугавшись, что, может, упустил что, - ан нет, не упустил, азбуку он знал твердо, наизусть, и на память никогда не жаловался. - Нет никакой "фиты", а за "фертом" идет сразу "хер", и на том стоим. Нету.

- И не жди, не будет, - опять ввинтился Лев Львович, - и совершенно напрасно вы, Никита Иванович, сеете мракобесие и поповщину. Сейчас, как впрочем и всегда, актуален социальный протест, а не толстовство. Не в первый раз за вами замечаю. Вы толстовец.

- Я...

- Толстовец, толстовец! Не спорьте!

- Но...

- Тут мы с вами, батенька, по разные стороны баррикад. Тянете общество назад. "В келью под елью". Социально вы вредны. Душок! А сейчас главное - протестовать, главное сказать: нет! Вы помните - когда же это было? - помните, меня призывали на дорожные работы?

- Ну?

- Я сказал: нет! Вы должны помнить, это при вас было.

- И не пошли?

- Нет, почему, я пошел. Меня вынудили. Но я сказал: нет!

- Кому вы сказали?

- Вам, вам сказал. Вы должны помнить. Я считаю, что это очень важно: в нужный момент сказать: нет! Протестую!

- Вы протестуете, но ведь пошли?

- А вы видели такого, чтобы не пошел?

- Помилуйте, но какой же смысл... если никто не слышит...

- А какой смысл в вашей, с позволения сказать, деятельности? В столбах?

- То есть как? - Память!

- О чем? Чья? Пустой звон! сотрясение воздуха! Вот тут сидит молодой человек, - покривился на Бенедикта Лев Львович. - Вот пусть молодой человек, блестяще знающий грамоте, ответит нам: что и зачем написано на столбе, воздвигнутом у вашей избушки, среди лопухов и крапивы?

- Это дергун-трава, - поправил Бенедикт.

- Неважно, я привык называть ее крапивой.
- Да хоть горшком назови. Это ж дергун!
- Какая разница?
- Сунь руку - узнаешь.

- Лев Львович, - заметил Никита Иванович, - возможно, молодой человек прав. Нынешние различают крапиву от дергуна, мы с вами нет, но они различают.

- Нет, извините, - уперся Лев Львович, - я еще не слепой, и давайте без мистики: я вижу крапиву и буду утверждать, что это крапива.

- Дык Лев Львович, крапива - она ж крапива! А дергун - это дергун, дернет вас, - и узнаете, какой он, дергун. Из крапивы щи варить можно, дрянь суп, слов нет, но варить можно. А из дергуна попробуй свари-ка! Нипочем из дергуна супа не сваришь! Не-ет, - засмеялся Бенедикт, - никогда из дергуна супа не будет. Эвон, крапива! Никакая это не крапива. Ни боже мой. Дергун

это. Он и есть. Самый что ни на есть дергун.

- Хорошо, хорошо, - остановил Лев Львович, - так что написано на столбе?

Бенедикт высунул голову в окно, прищурился, прочел Прежним все, что на столбе: "Никитские ворота", матерных семь слов, картинку матерную, Глеб плюс Клава, еще пять матерных, "Тута был Витя", "Нет в жизни счастья", матерных три, "Захар - пес" и еще одна картинка матерная. Всё им прочел.

- Вот вам вся надпись, али сказать, текст, доподлинно. И никакой "фиты" там нет. "Хер" -

сколько хотите, раз, два... восемь. Нет, девять, в "Захаре" девятый. А "фиты" нет.

- Нет там вашей "фиты", - поддержал и Лев Львович.

- А вот и есть! - закричал ополоумевший Истопник, - "Никитские ворота" - это моя вам фита, всему народу фита! Чтобы память была о славном прошлом! С надеждой на будущее! Всё, всё восстановим, а начнем с малого! Это же целый пласт нашей истории! Тут Пушкин был! Он тут венчался!

- Был пушкин, - подтвердил Бенедикт. - Тут, в сараюшке, он у нас и завелся. Головку ему выдолбили, ручку, всё чин чинарем. Вы же сами волочь подмогали, Лев Львович, ай забыли? Память у вас плохая! Тут и Витя был.

- Какой Витя?

- А не знаю какой, может, Витька припадошный с Верхнего Омута, может, Чучиных Витек, - бойкий такой парень, помоложе меня будет; а то, может, Витя колченогий. Хотя нет, вряд ли, этому сюда не дойти. Нет, не дойдет. У него нога-то эдак на сторону свернута, вроде как ступней вовнутрь...

- О чем ты говоришь, какой Витя, при чем тут Витя...

- Да вон, на столбе, на столбе-то! "Тут был Витя"! Ну и ну, я же только что прочел!

- Но это же совершенно неважно, был и был, мало ли... Я же говорю про память...

- Вот он память и оставил! Затем и резал! Чтоб знали, - кто пройдет, - помнили накрепко: был он тут!

- Когда же ты научишься различать!!! - закричал Никита Иваныч, вздулся докрасна и замахал кулаками. - Это вежа, историческая вежа! Тут стояли Никитские ворота, понимаешь ты это?! Неандертал!!! Тут шумел великий город!

Тут был Пушкин!

- Тут был Витя!!! - закричал и Бенедикт, распаляясь. - Тут был Глеб и Клава! Клава - не знаю, Клава, может, дома сидела, а Глеб тут был! Резал память! И все тут!.. А! Понял! Знаю я Витю-то! Это ж Виктор Иваныч, который старуху вашу хоронил. Распорядитель. Точно он, больше некому. Виктор Иваныч это.

- Никогда Виктор Иваныч не станет на столбе глупости резать, - запротестовали Пржежие, - совершенно немыслимо... даже вообразить трудно...

- Отчего ж не станет? Вы почему знаете? Что он, глупей вас, что ли? Вы режете, а он не режет, да? Про ворота - можно, давай вырезай, а про человека - ни в коем разе, так?

Все трое молчали и дышали через нос.

- Так, - сказал Никита Иваныч, выставляя вперед обе ладоши. - Спокойно. Сейчас - погоди! - сейчас я сосредоточусь и объясню. Хорошо. Ты в чем-то прав. Человек - это важно. Но! В чем тут суть? - Никита Иваныч собрал пальчики в щепотку. - Суть в том, что

эта память - следи внимательно, Бенедикт! - может существовать на разных уровнях...

Бенедикт плюнул.

- За дурака держите! Как с малым ребятенком!.. Ежели он дылда стоеросовая, так у него и уровень другой! Он на самой маковке вырежет! Ежели коротышка - не дотянется, внизу сообщит! А тут посередке, в аккурат в рост

Виктора Иваныча. Он это, и сумнений никаких быть не должно.

- Степь да степь кру-го-о-ом... - ни с того ни с сего запел Лев Львович.

- Путь далек лежи-и-и-и-т! - обрадовался Бенедикт; песню эту он жаловал, всегда в дороге пел и перерожденцам указывал петь. - В то-ой степи глухо-о-о-о-ой...

- У-умира-а-а-а-а-а-а-а-а-а-ал ямщик!

Запели втроем, Бенедикт басом, Никита Иваныч больше хрипом, а Лев Львович - высоким таким голосом, душевным, распрекрасным, со слезой. Даже Николай во дворе удивился, бросил щипать травку и уставился на поющих.

Ты, товарищ мо-о-ой,

Не попо-о-о-омни злаааааааааааааа,

В той степи глухо-о-о-о-о-ой

Схо-о-рони меняаааааааа!

Так пелось, такая томность, легкость такая вступила, такое согласие, крылья такие, будто и прокуренная избушка - не избушка, а поляна, будто вся природа голову подняла, обернулась,

удивилась, рот разинула и слушает, а слезы у ей так и текут, так и текут! Будто сама Княжья Птица от себя, любимой, отвлеклася, глазами пресветлыми уставилась на нас и дивится! Будто

не лаялись только что промеж себя, сердце не распаляли, злобным взором не посматривали, презрение взаимное на рыло не напускали, будто руки не чесались взять да и кулачищем в морду-то заехать товарищу, чтобы не кривил на меня личико, пасть на сторону не оттягивал, сквозь зубы не цедил, через губу не высокомерничал! А не очень-то и позлишься, спеваючи: рот-то разинут ровненько, покривишься - песню испортишь: пискнешь не тем звуком, собьешься — будто уронишь что, прольешь! А испортишь песню - сам же и будешь дурак, виноватого тут, кроме тебя, нету! Другие-то, вон, дальше идут, песню несут ровненько, не шелохнувши, а ты будто оступился спьяну, да и мордой в грязь, позорище!

А еще скажи-и-и-и-и-и-и,

Что в степи-и-и-и-и заме-е-е-е-е-ерз!..

Лев Львович оборвал песню, ударился головой об стол и заплакал, как залаял. Бенедикт испугался, бросил петь, уставился на Прежнего, забыл и рот закрыть, так он у него на букве "он" и остался открытым.

- Лев Львович! Левушка! - засуетился Никита Иваныч, забежал со всех сторон, дергал плачущего за рукавчик, хватал кружку, бросал

кружку, хватал полотенчко, бросал полотенчко. - Ну что уж теперь! Левушка! Ну ладно вам! Ну живем же как-то! Ведь живем?

Лев Львович мотал головой, катал голову по столу, вроде как отрицание делал, не хотел перестать.

- Беня! Водички давайте!.. Ему нельзя нервничать, у него сердце больное!

Отпоили Прежнего, обсушили полотенчком, в лицо руками помахали.

- Поете хорошо! - утешал Никита Иваныч.

- Учились или так? Наследственность?

- Наверно... Папа у меня зубной врач, - всхлипнул напоследок Лев Львович. - А по мамочке я с Кубани.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

(продолжение)

36

Данилов лежал на кровати с металлической сеткой, какие встречаются в гостиницах районных городов. Матрац был тонкий, и сетку Данилов чувствовал боками. Сетку, похоже, успели сильно продавить, она провисла и напоминала гамак. Что же касается постельного белья, то его выдали свежее, пахло оно прачечной и имело, где следовало, овальные отметки инвентарных резиновых печатей. Лежал Данилов в голубой пижаме. Рядом с кроватью стоял ореховый платяной шкаф, и там, возможно, находились сейчас вещи Данилова, в том числе пальто и нутриевая ушанка.

В прежних случаях он имел куда более порядочные помещения, иногда даже апартаменты, с королевскими альковами, с зеркалами в серебряных оправках и дюсепортами Буше.

Данилов в обиде натянул на голову шерстяное одеяло. Но тут же как бы и проснулся вконец.

Какие нынче могут быть обиды! Что он ропщет! Что прикидывается дураком! Ну не Версаль, не Сансуси, не хьюстонский Хилтон-отель, так ведь это после черного колодца. Хорошо, что живой и белье дали, пусть и бывшее в употреблении, но свежее, утюженное, и на тумбочке рядом с репродуктором установили графин с жидкостью. Что же роптать-то!

И все же постельное белье, и пижама, и графин на тумбочке обнадежили Данилова. Он привстал, притянул графин, хлебнул из горлышка. Жидкость была теплая. Однако Данилов выпил полграфина. Ничего с ним не сделалось. Он захотел тут же и есть. И в этом естественном требовании его организма было нечто обнадеживающее. Значит, натурально, жив и желает жить.

Меню завтрака (пусть завтрака, посчитал Данилов) могло быть сообщено ему внутренними сигналами или прислано отпечатанным на машинке. Тут Данилов затаил и некую хитрость: из названий блюд он мог узнать — конечно, с известными оговорками — степень тяжести твоего нынешнего состояния. Как его полагали кормить? Как пленника? Как смертника в одиночной камере? Как гостя? Как потерявшего расположение? Как гуся лапчатого? Как последнюю тварь? Как кого?

Данилов поднялся, обнаружил под кроватью стоптанные шлепанцы, отыскал туалет и умывальник, зубы почистил суровой щеткой, причесался. И протянул судьбе руки.

В ладони ему упали листочки папиросной бумаги. Нельзя сказать, что они обрадовали Данилова. Блюд было много, но все они происходили из буфетов железнодорожных станций. "Не перепутали ли они меня с Кармадоном?" — удивился Данилов. Но, может быть, здесь была новая манера в еде? Или в меню был намек на случай с Кармадоном? Мол, жуй и соображай, что и из-за дуэли ты прибыл сюда.

Данилов решил сначала поесть, а потом гадать. Тем более что в меню значилась вареная курица. А курицу, завернутую в "Советский спорт", Данилов и сам, отбывая с Земли по вызовам, случалось, брал раньше. Сейчас курица (ножка) явилась Данилову незамедлительно, причем не на буфетной фольге, а на фаянсовой тарелке. Курица была холодная, тощая, но Данилов ее проглотил с азартом, перемолов и кость.

Данилов потребовал бумажные салфетки; возникли и салфетки. Попросил он зубочистку, и зубочистку ему спустили.

Вроде был сыт, как бывал сыт именно утром, перекусив наскоро, но сытость не принесла ни радости, ни успокоения. Обычно утром в Останкине после завтрака он гладил электрическим утюгом бабочку. Теперь в глажение бабочки не было нужды.

Не было сомнений в том, что вчера (вчера!), помимо всего прочего, его не только намерены были утешить или восхитить, ему не только

предлагались загадки и задачи. Исследователей бесспорно интересовали и моментальные отклики его личности на видения, катаклизмы, сотрясения, на толчею энергичных фантомов и монстров, наконец — на открытие ему вечности. (Когда Данилов увидел над умывальником зеркало и увидел в зеркале себя, он удивился тому, что не поседел. Впрочем, проснувшись, он понял, что ощущение вечности из него ушло. Бездны, открытые ему, были им забыты. Мгновенные озарения вычерпнули из него. Он опять знал о себе и о мире не более, чем земной Данилов. К лучшему это или нет, он не мог сказать. Теперь он лишь смутно помнил, что и его будущее было ему открыто. Так что же? Может быть, в вечность его окунули по ошибке? Может быть, по ошибке ему, Данилову, дали лишние сведения и, спохватившись, поутру стерли их мокрой тряпкой, чтобы он не мог воспользоваться никакой лазейкой в будущее? Или им был нужен именно его мгновенный отклик? И все? Там, в Колодце Ожидания, Данилов, потрясенный открытым ему, сам старался упрятать ощущение вечности в дальний ящик — да и с сотней запоров! — своей памяти. Сейчас же он напрягал эту самую память, надеясь возобновить хоть толику знания об уготованном ему. Но тщетно.) Так вот теперь наверняка эти отклики его личности, движения его натуры были уже изучены исследователями и лежали в дискотеке.

"Ну и пусть! — отчаянно подумал Данилов. — Пусть! Что они могут узнать обо мне нового? Зачем они еще тратили средства и энергию?" А средств и энергии в Колодце Ожидания было потрачено немало. Сколько там было толчеи жизни, сколько крушений миров, галактик, неизвестных Данилову спиралей, сколько суетни сущностей вещей и явлений! Ему напоказывали всякой чепухи и всяких странностей, каких никогда не было в реальной жизни. Скажем, швыряние в пропасть казаком со спящим младенцем за спиной страшного мертвеца заимствовали у Николая Васильевича Гоголя. Интересно, читали ли сами исследователи "Страшную месть" или сведения о ней (возможно, искаженные: Карпатские горы были показаны Данилову довольно приблизительные) попали в их аппараты и камеры косвенным образом? Впрочем, это не имело значения. Значение имело то, что порой исследователи пытались воздействовать на него чуть ли не как Кармадон. Пугали всякими состарившимися ужасами, чудищами и нежитями. Что они теперь готовили ему?

"А-а-а!" — махнул рукой Данилов.

Он заказал настенные часы Сердобского завода, причем не удержался и попросил ходики с кукушкой. Укрепил их над кроватью. Он то бродил от умывальника и до шкафа, то, скинув шлепанцы, валялся, ноги положив на холодный

металл спинки. Голубая пижама стала раздражать Данилова. Но подойти к шкафу и переодеться в свое платье отчего-то не хотелось. Может, оттого, что в костюме надо было куда-то идти, а никуда не приглашали. Пребывание же в голубой пижаме как бы оправдывало праздное сидение на кровати.

Время на ходиках, однако, текло к обеду. Режим питания Данилов соблюдал редко. Теперь же, хотя и не нагулял аппетита, проявил себя педантом. Опять в руки ему спустились листочки меню. В них были названы блюда вагона-ресторана. "Когда же открылась эта мода?" — расстроился Данилов. А ведь прежде его кормили и черепаховым супом, а от устриц в вине он позволял себе отказываться...

Данилов вздохнул. Перед ним возник столик из вагона-ресторана с четырьмя стульями с двух сторон. Данилов как был в пижаме, так и сел на один из стульев. На самом деле, путают его с Кармадоном или напоминают о дуэли? И как сейчас Кармадон? Наказан, высмеян или поднялся, выправил челюсть, повышен в чинах и теперь сидит рядом с наблюдателями персоны Данилова? Данилову казалось, что если бы вызов был связан с Кармадоном и дуэлью, его дела могли бы оказаться и не совсем погибельными. Он понимал, что тут, вероятно, он находится в заблуждении, и все же тешил себя надеждой.

Блюда тем временем уже стояли на столике, только что столбы и леса не бежали навстречу

по правую руку от Данилова. На закуску была селедка с горошком, затем краснел борщ с куском сала, рядом стыли сосиски, опять же с горошком, и стакан компота. "Неужели пива у них нет? Ну хоть бутылку!" — то ли возмутился, то ли взмолился Данилов. Однако, возможно, дело было и не в скудности буфетных ледников, а в том, что клиент не имел прав на пиво.

Данилов был в смятении. То он думал о том, какие найти пути спасения. То оценивал прожитое им, искал в этом прожитом смысл и оправдание. Может, и не было смысла-то, что же тогда стремиться к спасению? К продолжению бытия?

И теперь, хотя Данилов наконец имел и время, и тишину для того, чтобы в сосредоточенном напряжении все обдумать, все решить. Мысли его попрежнему были нетерпеливы, приходили, как и раньше, соблазнительные желания об отсрочках и откладываниях. Но откладывать что-либо было уже поздно. Вот и думал Данилов. Пребывал в отчаянии и унынии. Уверен был, что странное его существование смысла имело мало. Был ли Данилов, не был ли Данилов, от этого в мире ничего не менялось. Если только в музыке... Но что там, в музыке, в конце концов, изменилось, улучшилось или испортилось? Да, наверное, пока ничего... Что же тогда стремиться к спасению? Так размышлял Данилов, соглашаясь в некоей сладости сам с собой. И в то же время против этих мыслей, против сладостного согласия с

ними, нарастал в Данилове протест. Целый бунт вскипал.

Вскоре Данилов уже полагал, что в самом пребывании его в пижаме есть нечто не гостиничное, а тюремное, жалкое, будто бы он, Данилов, сдался и голову согласен пристроить на плахе как можно удобнее для палача. Нет, надо было тут же снять пижаму и идти куда-нибудь. Не без страха Данилов подошел к платяному шкафу. Раньше он был уверен, что там висят его земные вещи. Но вдруг их отобрали, определив ему лишь пижаму? Данилов рванул дверцу шкафа воинственно, будто бы ограбленный. Но нет, зимняя московская одежда была ему сохранена. Данилов устыдился своего порыва, хорошо хоть дверцу не сорвал всерьдцах. Брать из шкафа пальто и нутриевую шапку не было смысла; поколебавшись, Данилов пожалел брюки и фрак — много ли он их имел, — и попросил снабдить его сейчас же приличным костюмом для встреч в обществе. Костюм Данилову прислали, и, надев его, Данилов понял, что костюм пошит хорошо. К костюму выдали туфли, рубашку, галстук, платок, подтяжки и носки, хотя о них Данилов и не отваживался ходатайствовать. Данилов стоял растроганный, ему казалось, что служба внешнего вида отнеслась к нему куда благосклоннее, нежели служба кормления. Может, были на то причины? Или службы существовали сами по себе? Впрочем, что было

гадать. Данилов взбодрился. Еще пуще он взбодрился, когда на внутреннем кармане пиджака обнаружил название фирмы — "Бидерманн — Париж". Конечно, фирма имелась в виду не ахти какая, да и этикетка вместе с костюмом вряд ли были подлинными. Но неважно! Разве можно было сравнивать их с блюдами железнодорожных буфетов! Тут не Моршански, тут Диоры и Зайцевы были предложены Данилову. Песней герцога Мантуанского из второго акта они зазвучали в нем.

Комната его — или гостиничный номер, или одиночная камера — не имела ни окон, ни стен, ни дверей. Но Данилов, привыкший к условностям, постоял там, где, по его понятиям, могла в гостинице находиться дверь. Выйти долго не решался, а когда вышел, готов был держаться за стены, если б были стены. Ноги у него отнялись. Он ждал, что сейчас или кирпич свалится ему на голову, или его накажут каким оружием, или просто затолкают назад к кровати и к пижаме. Кирпич не упал, сетью Данилова не словили, никаких мер принято не было. Потоптавшись на месте, Данилов побежал, потом подпрыгнул и стал парить, как парил в юные годы. Но парение скоро наскучило, и он пошел пешком. Куда он шел, он не знал. Шел, и все. Снова неопределенность стала тяготить Данилова. Прогуливаться он уже не мог. Он желал теперь же выйти на своих

исследователей и судей и сказать им: "Нате, жрите, только не томите понапрасну!"

В каком из Девяти Слоев он теперь находится, Данилов не знал. Может быть, в Четвертом, Гостеприимства. А может быть, и вблизи Канцелярии от Порядка. На привязи. И это только ему кажется, что он ходит и парит, на самом деле он не ходит и не парит, а пребывает в состоянии козы, привязанной веревкой к колышку.

Никаких примет здешних мест не обнаруживалось. Стояла сплошная пустота. Но не черная, как в Колодце Ожидания, а желто-голубая. И ничто не звучало. Но тут мимо Данилова, чуть ли не сбив его, с гиканьем промчался на самокате толстый тип в панамке с мятыми краями. Тип был пожилой, но толкался азартно, по-ребячьи, левой ногой, и самокат имел самодельный, точно такой, какие московские мальчишки, в том числе и Данилов, мастерили в сороковые годы — из досок и трех подшипников. Подшипники будто по асфальту крутились — гремели и вышибали искры. Обогнав Данилова, метрах в ста от него, тип остановился, погрозил Данилову пальцем, сказал, сокрушаясь, но и с удовольствием: "Фу-ты ну-ты, шины сдуты!" — и укатил дальше. Вскоре Данилов потерял его из виду. "Он знает, куда ехать, — подумал Данилов. — Он спешил. Надо за ним и идти".

"А может быть, это Валентин Сергеевич? — тут же пришло соображение. — А хоть бы и

Валентин Сергеевич!" И все-таки Данилов был уверен в том, что это не Валентин Сергеевич, а случайный проезжий. Этот дачный лихач в панамке даже умилил Данилова, напомнив ему о забавах юных лет, и Данилов не желал думать о нем ничего дурного. Может, он и самокатом-то наслаждался впервые в жизни и свой облик, дачный и отеческий, принял ради него, Данилова, сам же веками выглядел каким-нибудь кристаллическим стручком в созвездии Дивных Тел. Случайным образом пересеклись их с Даниловым жизненные дороги, вот и расстарался тот стручок, обернулся дачником и надел панамку.

Тут надо заметить, что мир, который Данилов считал когда-то своим, а теперь с некоей отчужденностью называл Девятью Слоями, обладал поливариантностью. Мир этот мог иметь много выражений. И существа этого мира могли не только преобразовываться и превращаться (то есть переходить из одного состояния в другое), но и воплощаться. И стало быть, пребывать сразу хоть бы и в ста различных состояниях, принимая самые подходящие для случая облики.

Когда-то Земля была избрана для Девяти Слоеv базовой планетой (Данилов слышал о такой теории происхождения Девяти Слоеv). Но с той поры много воды утекло. Много дыма истаяло. Работниками Девяти Слоеv были освоены и другие цивилизации. Иные замечательные, но слишком грамотные. Иные

недоразвитые. Внедрились работники и в пустынные звездно-планетные системы, где пока корчились и грелись лишь микроорганизмы, а то и просто бушевали в одиночестве и самоедстве бездушные стихии. И движения расплавленных или остывших веществ нельзя было оставлять без пригляда и внимания. Хватало занятий и пространств. (Время же текло само по себе. А может быть, и не текло. Впрочем, это не имело значения.) Земля попрежнему в хлопотах работников Девяти Слов занимала важное место. Но и иная микрокосмическая система на элементарной частице порой требовала больших забот. А всякие туманности? Или сложности с двойными звездами? При этом повсюду были свои понятия о смысле бытия, о способах выжить и устроить цивилизацию, наконец, о том, что и как кушать и какие одежды носить. До того в галактиках все было по-своему, до того странно и удивительно! Работники Девяти Слов старались усилить эту странность и удивительность, прививая там и тут заблуждения. Но им, для того чтобы действовать с толком, надо было знать тьму различных состояний и пребывать во всех освоенных ими цивилизациях и в бездушных системах в надлежащем виде. В общении с землянами и с личностями, занятыми делом лишь на Земле, вроде Данилова, Девять Слов и их обитатели воплощались в формы, известные

именно жителям Земли. Эти формы в Девяти Слоях и любили более всего. Сказывались давние, устойчивые моды на все земное. Тип на самокате — возможно, на самом деле какой-нибудь кристаллический стручок из созвездия Дивных Тел, — наверное, тоже был вызван из своей провинции и попал в земной вариант Девяти Слоеов. В этом варианте Валентин Сергеевич сидел сейчас где-то мелким порученцем, похожим на тихого барышника с Птичьего рынка или на артельного счетовода, но это не помешало бы его воплощению, если бы была необходимость, скажем, сотрудничать с Кармадоном, объявиться сейчас на планете Сонная Моль молибденовым телом. Впрочем, там ли теперь Кармадон? Коли б знать...

Впереди что-то блеснуло. "Ба, да это же лифт!" — сообразил Данилов.

В Девяти Слоях проживали и постоянные обитатели, каким не было нужды иметь воплощения в иных цивилизациях. Многие из них были заняты и земными проблемами. Они-то, местные жители, — и Данилов когда-то был в их числе, — и придумывали здесь и нормы приличия, и стили поведения, и просто мелкие привычки. Из Слая в Слой демоны всех статей могли перемещаться любыми способами. Однако последние лет сто пользовались исключительно лифтом. И лифт-то был тихий, такой ездил когда-то в гостинице "Астора" в какой-нибудь Филадельфии, ходил он

погромыхивая и покачиваясь. Но было в нем много шику. Всякие металлические накладки на кабине и приемных камерах, чудесные зеркала, медные виньетки, лилии из голубого фарфора над зеркалами, кисти с помпонами из золотых нитей. И оставалась при нем несомненная солидность.

Проезжий самокатчик то ли уже успел воспользоваться лифтом, то ли укатил дальше.

Данилов нажал кнопку вызова.

Кабина приехала быстро, она поднималась снизу. "В каком же я слое? — опять подумал Данилов. — Ясно лишь, что не в первом..." Ни с того ни с сего на память пришло одно из посещений Клавдии Петровны и катание в лифте ее дома румяного пирата Ростовцева. А вдруг и в этом лифте Ростовцев катается?

Пока Данилов вспоминал Ростовцева, кабина лифта проехала мимо. Данилов в возмущении и по привычке стал давить на кнопку вызова, но ничего не достиг. Какие-то личности были в кабине, но кто они, Данилов не успел разглядеть. Да и всех ли он знал в Девяти Слоях? Что же это — кнопка испортилась или он, Данилов, был заперт здесь? Данилов опять нажал на кнопку. Вскоре он услышал звук спускавшейся кабины, невидимые тросы гудели и поскрипывали. "Неужели и эта не остановится?" — испугался Данилов.

Остановилась. Данилов, не раздумывая, устремился в пустую кабину, будто опаздывал куда-то.

Испытывать судьбу он не стал — вдруг путь наверх ему заказан! — и нажал на нижнюю кнопку.

В Первый Слой он вышел не сразу. Опять заробел. Он полагал, что пробудет здесь недолго. Если его отсюда выпустят. Но Данилов думал, что выпустят. Теперь, по кнопкам лифта, он знал, что его койка с платяным шкафом помещаются в Четвертом Слое Гостеприимства. Он — гость. То есть хотя бы вызванный просто по делу. Впрочем, Данилов не обольщался. Мало ли где могли его разместить...

Ни навстречу Данилову, ни мимо него никто не шел. Сам он не был намерен тревожить чьи-либо тени и сущности. Печальная мгла стыла всюду. Данилову было не по себе. Следовало уезжать. И уж никак нельзя ему было идти к памяtnому месту. А Данилов не смог побороть искушения. И пошел. В том месте до сих пор был завал булыжников, битого цветного стекла и изломанных декоративных костей. Данилов разгреб завал, перламутровая пленка попрежнему была здесь ободрана, и сквозь открытый бесценный хрусталь нижней сферы Данилов увидел Большого Синего Быка.

Синий Бык стоял смирно, тихо шевелил губами, вздрагивали его верхние веки, однажды дернулось правое ухо, будто на него село насекомое. Большой Синий Бык всегда держал на своей спине Девять Слов и должен был их держать вечно. Знать о нем полагалось, смотреть на него было запрещено. Однако в

юности Данилов из любопытства и озорства нарушал запреты (повзрослев, узнал, что нарушение иных запретов поощряется). Но запрет на Большого Быка был слишком серьезный. Именно своей серьезностью он и подтолкнул Данилова к рискованной проказе. Данилов прослышал, что в нескольких местах перламутровая пленка, покрывавшая изнутри нижнюю хрустальную сферу, обшелушилась, и там сквозь хрусталь — видно. Данилов, бедовая голова, проник в одно из тех мест. Здесь не только облетела перламутровая пленка, но и была в хрустале трещина, чуть ли не щель. Ее даже не заделали, а просто завалили камнями, битым стеклом и декоративными костями. Тогда Данилов и увидел Большого Синего Быка. Бык стоял на самом деле великий, но Данилов по молодости лет был разочарован: "Ну, стоит, ну, держит, ну и что?" Однако потом вспоминал о Быке с уважением. Теперь Данилов чувствовал, что не одни лишь воспоминания о юношеской проказе привели его сюда. И нечто другое... Щель до сих пор так и не заделали, перламутровую пленку не подклеили. Оставили завал. Данилов стоял и смотрел на Быка. На спине Быка под жесткой и свежей еще шерстью вздрогнули мускулы, какое-то усилие почуял Данилов, возможно, спина животного чесалась. "Бедняга!" — подумал Данилов. В завале он отыскал обломок кости потоньше и подлиннее, сунул его в трещину, достал до спины Быка, почесал ее. Веки животного поднялись,

видимый Данилову глаз показался ему благодарным, он просил: "Еще!" Данилов долго почесывал обломком кости Быка. Наконец веко Большого Быка опустилось, и Данилов понял: "Хватит". Данилов сдвинул камни, стекло и кости, пошел к лифту. По дороге подумал: "А Кармадон-то? Неужели на Земле он хотел побыть синим быком именно из-за этого, Большого, который держит на себе Девять Слоеов? Как мне раньше не пришло в голову! Но зачем Кармадону это?..

А зачем тебе твоя музыка?.."

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

23

Впрочем, Шеврикука полагал, что направляется на лыжную базу так, на всякий случай, без особого дела. Вроде бы нет у него никакого интереса, никакой комиссии. День стоял жаркий, два облака нехотя волоклись из Астрахани в Норильск, над Останкином зависли, возможно, размышляя, возможно, любопытствуя. Степенно (наконец-то по-московски степенно!) Шеврикука по асфальтовой тропинке проследовал от главного входа в направлении стадиона и лыжной базы и вдруг стал ощущать, что под ногами у него гудит. И не только гудит, но и нечто содрогается. В этом юго-западном углу парка, расположенного ближе к строениям

Кашенкина луга, редко прогуливались, здесь спешили деловые жители, укорачивая парком свою дорогу, и сейчас несколько таких озабоченных прохожих попались навстречу Шеврикуке. Под ноги себе они не смотрели, не останавливались и ничему не удивлялись. И уж тем более не спрашивали Шеврикуку: "Что это? Вы ничего не чувствуете?" Он чувствовал. Они не чувствовали.

А может быть, и они чувствовали, но в суете жизни не придавали никакого значения всяким гулам и содроганиям. Да мало ли что у нас в Москве нарыто под землей. Мало ли что может там гудеть и содрогаться.

А Шеврикука чем ближе подходил к лыжной базе, тем нервнее ощущал подземные гулы и волнения. Под ним, похоже, не только содрогалось, но и бурлило. Однако асфальт нигде не коробился, не разрывался трещинами, ни одна травинка не вздрагивала, листья тополей, дубов и лип были спокойны, серый кот и тот, лапы раскинув, безунывно спал на скамейке. А в тектоническую предусмотрительность котов Шеврикука верил.

"Что же это?" - растерялся Шеврикука и метрах в пятидесяти от лыжной базы встал. Не предупреждение ли ему? Глупости. Этак выйдет, что в сердцевине всего находится он. Кому он нужен! Гулы и судороги происходили в недрах летнего проживания привидений и призраков. Иное дело, следовало ли ему именно теперь лезть в бурливый котел? Вспомнил он и о том,

как недавно нечто давящее и смрадное забирало его в недра Ужаса (то есть он и не забывал об этом, но сейчас физически вспомнил, как его захватывало Чудовище). Ко всему прочему, умельцы воздействовать на его сознание могли находиться и здесь, на днях на Покровке они уже оказывались вблизи привидений. Благоразумие требовало; уймись, охлади себя и уйди. Или резче: поворачивай оглобли. Но гордость и любопытство возбуждали в Шеврикуке отвагу.

Шеврикука тихонько, теперь уже оглядываясь по сторонам, подобрался к северному боку лыжной базы, отодвинул доску, освобожденную им три года назад от гвоздей, и проскользнул в знакомую щель. Избегать взаимоуважающего соблюдения Горю Бойса он не был сегодня намерен и сразу дал о себе знать. Я здесь, ваш посетитель, учиняйте расспросы. Однако легкопроходимый боевой стол соблюдения, прежде всегда поспевавший куда надо, где-то застрял и не надвинулся грозно на Шеврикуку табельным охотником, а еле наполз, погромыхивая в раздражении ящиками тумбочек. Горю Бойс, в валенках, в ватных штанах на подтяжках, тощий, но пухлощекий, был взъерошен, взбудоражен, Шеврикука его не рассердил и не обрадовал. Из кармана расстегнутого френча Гори Бойса торчали фанерные очки, к битью мух они сегодня не принуждались, да и мухи нигде вокруг не парили и не присаживались.

- В Апартаменты? - спросил Горя Бойс. - Или куда еще решили последовать? Или ко мне?

- В Апартаменты, - сказал Шеврикука. - В номер триста двадцать четвертый.

Стол взаимоуважающего соблюдения начал подпрыгивать, гремел ящиками, звенел шпорами. Горя Бойс, бранясь, принялся удерживать канцелярскую лампу, а она рвалась в выси, Шеврикуку шатало.

- Что это у вас? - спросил Шеврикука.

- Где? Что? - Горя Бойс вцепился в лампу, а она носила его над столом.

- Что это трясется под вами? Что бурлит?

Содрогание затихло. Шеврикука выпрямился. Горя Бойс с лампой рухнул на стол.

- Это не под нами... - пробормотал Горя Бойс. - Это в нас... Переполох!.. Большой переполох!

- Из-за них! Из-за этих! - выскользнула из темноты бабка Староханова, взаимоуважающий следитель, она же Лыжная Мазь, она же Смазь. - И из-за этих тоже! Которые в Апартаментах! Которые в номере триста двадцать четвертом! Теперь покоя не будет! Ты Шеврикуку к ним не пускай, он их еще больше всполошит!

- А может, и порешит, - предположил Горя Бойс.

- А может, и порешит - захихикала бабка Староханова. - А может, и порешит! Порешит и порешит!

- Горя, давай от триста двадцать четвертого, - сказал Шеврикука.

Шеврикука полагал, что Горя Бойс начнет опять для порядка куражиться, требовать объяснений, почему он явился в неотведенный час и нет ли при нем зараз, лиха и напастей, но нет, наблюдатель протянул Шеврикуке сушеную воронью лапу с алюминиевым ромбом и произнес привычное: - Веди прохладную беседу. Не озорничай. Не шали. Горя бойся!

Следитель Староханова заскользила за Шеврикукой. На этот раз он не отогнал бабку, надеясь услышать от нее злободневные известия. Но Староханова сопела и сморкалась, не вступая в разговор: возможно, лишь наблюдала по должности за путешествием гостя, не натворит ли чего.

- И давно здесь так содрогается и бурлит? - спросил Шеврикука.

- Третий день, - охотно ответила Лыжная Мазь. - Третьего дня поутру тихо так зашелестело, зашевелилось, а потом пошло. И завыло. И закрихтело. И заколобродило.

Бабка вдруг и сама завыла, захныкала.

- Зависть-то до чего доводит! Это что же будет-то! Так мы и до Оранжереи не доживем! Шеврикука! Сыночек миленький! Убереги нас! Пореша ты этих бесстыжих красавиц!

- Что ты, бабка, несешь! - сказал Шеврикука. - Кто я такой? А здесь я и ничего не могу. Здесь я гость и обязан вести прохладные беседы. И в чем виноваты красавицы?

- Цепи рвут! - остановилась следитель Староханова. - О! Слышишь! Цепи грызут! Стучат зубилами! С цепей сорваться хотят! А во снах пребывали смирно. С этих, с этих, апартаментских, все началось! Кабы не вышло роение улья. Сами себя изгрызут, искусают, изжалят!

В подземном гудении слышались звуки разнородные и даже разномузыкальные, среди прочих - и металлические, но выделить из них звяканье или скрежет цепей, удары зубила Шеврикука не мог. Многое здесь знать, видеть или различать ему было не дано. А иное знание вышло бы и погибельным.

- Не хочешь порешить - не ходи! - донеслось до него сзади. Слова Лыжной Мази были сухие, злые: - Сам сгоришь с ними!

- С кем - с ними? - обернулся Шеврикука.

- С нею! С нею!

- Проваливай, бабка! И лучше ходи с насморком, чихай и втирай в ноздри лапландскую мазь, осьмой номер! Дольше протянешь!

Следитель Староханова, на этот раз не хныча, не юродствуя, не лебезя, не совершая перелетов через площадки с горящим спиртом, сдержанно поклонилась Шеврикуке и шагнула в черноту.

А Шеврикука стоял уже в Апартаментах. Опять трясло и содрогалось. Не дожидаясь явления

Чудовища (но было ли оно?), Шеврикука быстро повесил на гвоздь, вбитый в воздух, сушеную воронью лапу с алюминиевым ромбом и номером "324" и, к удивлению своему, сразу же услышал, пусть и не слишком приветливое:

- Входите!

Вошел.

Вблизи Гликерии снова находилась Невзора-Дуняша. Она же Прилепа. Она же Копоть. Голова ее была при теле.

- Наш бывший обожатель явился! - свидетельствовала Дуняша, поднося ко рту сочную плоть астраханской груши. - Я вам обещала, Гликерия Андреевна? Но вы и сами знали. При своей любознательности он мог ринуться сюда и раньше.

- А прежде, недели три назад или даже месяц назад, - Гликерия обращалась к Дуняше, но взглядывала и на Шеврикуку, - он полагал, что посетил нас в последний раз. Ну в предпоследний... Мог забежать еще по одному делу... мелкому, частному. И вот он опять перед нами. Его стоило бы гнать сразу. Но пусть немного посидит. Если, конечно, пожелает. Теперь, при новых обстоятельствах, он, пожалуй, будет нам полезен.

- Он может оказаться вам полезен, - уточнил Шеврикука.

- Не суть важно, - сказала Гликерия. - Садись, Шеврикука.

Шеврикука сел.

Невзора-Дуняша, с грушей в руке, со смаком слизывая сок южного плода с пальцев, с ладони и с самой груши, отправилась к Гликерии и стала что-то доверительно шептать ей, посетителя при этом явно не имея в виду. У Шеврикуки было время оглядеть Гликерию с Дуняшей и уголок Апартаментов № 324, в который его сегодня допустили. В прошлый раз Гликерия принимала его в будуаре, Невзора-Дуняша перед завтраком убирала тогда ее голову. Нынче Гликерия, надо полагать, уже позавтракала и теперь сидела на вращающемся стуле у фортепьяно и музицировала. А стало быть, Шеврикуке дозволили войти в гостиную. Сам Шеврикука утонул в мягком кресле, обтянутом светлым штофом. Впрочем, помещение, где находились он и две дамы, было лишь частью гостиной. Если бы возникла нужда, если бы званые гости потекли, отужинав или отобедав, из столовой сюда для приятных и умных бесед, домашнего концерта, чтения стихов из альбома, игры в бридж и прочих удовольствий салона с кофе и ликерами, то сразу бы гостиная возобновилась целиком, со всеми углами, со всеми окнами и со всей мебелью. Но теперь такой нужды не было, и Шеврикука видел перед собой две стены, не в полную их длину,

фортепьяно, четыре кресла, канапе и два столика. Тесно, впрочем, не было. Содрогаания и гулы не прекращались, но происходили они будто бы не в Останкине, а в Крылатском. Апартаментам было предписано соблюдение тишины, спокойствия и комфорта. Возможность лишних и посторонних звуков и колебаний предусматривалась, а потому были приготовлены средства охранительного противодействия. На первый взгляд две дамы (барышни, сударыни, донны, синьоры, мадемуазели или - хозяйка салона и ее камеристка, госпожа и служанка, Шеврикука в мыслях и вслух мог называть их как угодно) были одеты несколько легкомысленно для салона и, уж конечно, для музыкальных занятий, даже если на подставке были разложены сейчас ноты "Балета невылупившихся птенцов". Но их оправдывало нынешнее лето. Москвичей не раздражали шорты. И Гликерия сидела у фортепьяно в шортах, в синей блузке с тонкими бретельками, открывающей плечи, и босая. Невзора-Дуняша была в белой майке, теперь - с ниагарским водопадом меж грудей и в коротких пестрых брючках-леггенсах, в Москве называемых лосинами. Крупные ступни свои она пожалела и надела кроссовки. Опять же по причине жары, как и многие их землячки, Гликерия и Дуняша были теперь бронзовотелы и вполне соответствовали мнению иностранных наблюдателей о цветущем виде московских привидений. И не Шеврикуке было дело судить,

уместны или не уместны в гостиной вблизи фортепьяно и "Балета невылупившихся птенцов" шорты, леггенсы и топ-блuzки. Но у тех, кто был в соседних Апартаментах, кто был в номерах других сотен и уж тем более у тех, из-за чьих усилий, мук и страстей в Доме Привидений гудело и содрогалось, они могли вызвать раздражение, а то и злобу. Не исключено, что Гликерия, а за ней и Дуняша, прикидывая поутру, во что одеться, имели в виду это раздражение и злобу. Переполох шел третий день. Им же, мол, на все наплевать. А Шеврикука чувствовал: Гликерия с Дуняшей - в воодушевлении, готовы к подвигам, но и нервничают.

- Поводом к появлению у нас, Шеврикука, вы могли держать интерес к судьбе двух вещей, - Гликерия ударила пальцем по клавише.

- Ну хотя бы, - сказал Шеврикука.

- Можете не беспокоиться. Они не потеряны и в хорошем виде.

И Гликерия соизволила повернуться лицом к Шеврикуке, подняла левую руку, на пальце ее Шеврикука увидел перстень, уже предъявленный публике в нижних палатах дома Тутомлиных и золотым ударом чуть было не сжегший там паутинью нить, державшую Шеврикуку. Монету Пэрста-Капсулы вправили в перстень. А фибулу?

- А вторая вещь с лошадиной мордой, - сообщила Гликерия, - подошла к поясу. Через

день приходится надевать костюм для верховой езды.

- Этот перстень - и шорты? - все же не удержался Шеврикука.

Он чуть было не развил свои сомнения: сочетается ли свежее изделие ювелиров со спортивной одеждой, чуть было не поинтересовался, нужда или блажь заставила Гликерию гулять под сводами с веером в руке. Но мысль о суверенности причуд и прихотей Гликерии остановила его. Он разглядел левую бровь Гликерии. Она была рассечена и совсем еще не зажила. И ведь на Покровке текла по щеке Гликерии кровь. Конечно, ко скольким странностям приходилось привыкать. И все же, и все же... На плечах, руках, лицах Дуняши и Гликерии Шеврикука видел следы противостояния на Покровке, для других уже исчезнувшие, они его не трогали, а вот рассеченная бровь озадачивала... Ну ладно. Вглядываться в лицо Гликерии Шеврикука себе запретил, полагая, что на это есть причины. Серые глаза Гликерии были надменно-враждебные, и это Шеврикуку устраивало. При этом он, Шеврикука, был перед ней и его перед ней не было. В глазах Гликерии появилось знакомое Шеврикуке свечение, обещавшее игру молний, движение вихрей, ухарскую езду по вертикальной стене. Гликерия нечто обдумывала. Она, видимо, пришла к решению, а теперь в голове ее возникали подробности затеи

с мелкими распутиями, выбрать единственную линию она, наверное, по обыкновению, сразу не могла, готова была нестись по всем тропам, и если он, Шеврикука, признавался сейчас Гликерией реальностью, то только для того, чтобы эту реальность с пользой поместить в свою затею. "Ага, а этот пригодится мне для..." "Пригожусь, как же, пригожусь, - думал Шеврикука. - Но и вы мне пригодитесь..."

- По-моему, вы рискуете, - сказал Шеврикука, имея в виду перстень и улучшенный пояс для верховой езды. - Вам не кажется?

- А вам досадно? - спросила Гликерия. - Или боязно, — за себя, естественно? Или вам жалко?

- Мне не боязно и не жалко, - сказал Шеврикука. - И риск я держал в соображении совсем иной.

- Я поняла, - сказала Гликерия. - Кстати, если вам нужны ваши вещицы, то пожалуйста...

- Нет, пока они мне не нужны, - сказал Шеврикука. - Может быть, и вовсе не понадобятся. Может быть, они и никому не понадобятся. В том числе и вам.

- Вот как?

- Не исключено, - сказал Шеврикука.

Невзора-Дуняша взяла новую грушу.

- Он у нас будет проводником, Гликерия Андреевна, - объяснила Дуняша. - Из него выйдет проводник.

- Дуняша, я не просила тебя... - нахмурилась Гликерия.

- Гликерия Андреевна, он ведь долго будет церемониться и делать вид, что ни о чем не знает, - сказала Дуняша. - А я уверена, что такой любознательный и проныра не мог не быть на Покровке.

- Проныра? - спросил Шеврикука. - Или пройдоха?

- И проныра! И пройдоха! Ведь был там?

- Ну был.

- Вот! - обрадовалась Дуняша. - И не слушайте его объяснений, отчего он вздумал туда проникнуть. Он наврет. И Совокупеева его замечательная там героизировала!

- Это плодотворная мысль - связать меня с Совокупеевой, - попытался улыбнуться Шеврикука, но улыбка его вышла сердитой. - Помнится мне, эта замечательная Совокупеева происходит из квартиры на Знаменке, где шляется по ночам Дама-привидение с отрезанной башкой!

- Да! Шляется! Ну и что! - возмутилась Дуняша. - А Совокупеевой или ее подельщикам, проживающим в Землескребе, дом на Покровке мог показать ты.

- Ага, - согласился Шеврикука. - Я их готовил, я с ними и репетировал. А не разумнее ли предположить, что это красавица Дуняша пригласила с неизвестными мне целями на Покровку свою квартирную приятельницу?

Кстати, почему бы не привести туда отставную прокуроршу с ее семнадцатью кошками?

- И с двумя котами! - бросила Дуняша.

- И с котами! В штанах. Эффекту вышло бы больше. Богатые гости стонали бы! Хотя японцу понравилась Александрин. Более других привидений. А у японца есть вкус.

- Александрин - самозванка! - воскликнула гневно Дуняша. - А японец твой дурак!

- Прекратите перебранку, - тихо и твердо сказала Гликерия. - Стыдно и бессмысленно.

- Я молчу. Молчу, Гликерия Андреевна, - сейчас же капитулировала Невзора-Дуняша и лукавыми глазами пообещала стать пайнькой. - А ты, Шеврикука, не ехидничай и не задирайся.

- Из всего разговора, - сказал Шеврикука, - я могу вывести следующее: Совокупеева действительно для вас самозванка, в сговоре с ней вы не были. Теперь ваше положение представляется вам выгодным, вы его собираетесь укрепить и использовать для... Умолчим для чего... Зачем-то вам показалось необходимым, в частности, товарищество с Совокупеевой, но не вышло, дружбы не получилось. И решено для ваших выгод сделать меня проводником.

- Мы вас не звали, - сказала Гликерия. - Вы пришли сами.

- Не звали, - согласился Шеврикука. - Но имели в виду.

- Ох, Шеврикука, то, что ты фантазер, известно всем. А ты еще и много о себе понимаешь! Тоже мне проводник! Иван Сусанин! Дерсу Узала!

- Дуняша! Прекрати! - возмутилась Гликерия. - И вытри сок на подбородке. Как ребенок! Но в том, что вы, Шеврикука, преувеличиваете свое значение, она права. Да, я о вас помнила, но из этого не следует, будто я решилась попросить вас об одолжении.

- Это так, - сказал Шеврикука. - Вы и никого не попросите о каком-либо одолжении. Но вот я появился, и некая боковая мысль обо мне, как о подсобном средстве, вроде весла, или половой щетки, или уздечки, у вас, несомненно, промелькнула.

- Промелькнула, - кивнула Гликерия. - Но теперь улетела. И видимо, навсегда.

- Другая щетка найдется, - успокоил ее Шеврикука.

- Найдется, - сухо подтвердила Гликерия. - Но это уже будет и не щетка, и не весло, и не уздечка.

- Хорошо бы не веер, - не удержался Шеврикука.

- Недавно явление веера вызвало у меня мысли о провинциализме и зряшном желании выглядеть богатой.

- Вас дурно воспитывали, - сказала Гликерия.

Губы Гликерии сжались. Она рассердилась, резко крутанув стул, вернулась к клавишам фортепьяно, и невылупившиеся птенцы стали дергаться, биться в камерах несокрушимой

скорлупы. Шеврикуку должны были бы выгнать, но его не гнали. Ему бы встать и уйти, но он не вставал. "Веер, веер! - пришло в голову Шеврикуке. - А сам повязывал бархатный бант!"

- Этак вы пальцы повредите, - сказал Шеврикука. - Или лак с ногтей сковырнете. Вам бы сейчас что-нибудь нежное... тиходостигаемое... Шопен... Дебюсси...

- Шопен! Дебюсси! - Гликерия была само презрение. - Вы, Шеврикука, - музыковед?

Кресло Шеврикуки тут же подскочило, листы нот посыпались на пол, зазвенело стекло не выявленной по ненадобности гостиной люстры, ойкнула Дуняша и поглядела вниз: не расползлась ли у ее ног трещина. Но трести перестало. Однако гулы и содрогания, пусть вдали и в глубине, продолжались.

- От всего этого внутри что-нибудь лопнет или оборвется, - сказала Дуняша.

- А еще хуже - возьмут и отменят маскарад в Оранжеее!

- Маскарад? - удивился Шеврикука. - Это когда еще выпадет снег и когда откроют елочные базары! Да и не было случая, чтобы отменяли маскарады.

- Знал бы ты, что у нас тут кашеварится! - всплеснула руками Дуняша.

- Слышал, - сказал Шеврикука. - Переполох. Пожар в бане. Роение умов. Рвутся с цепей. Ожили и полезли из каждой щели. И будто бы

началось с красавиц из Апартаментов. Кто ожил и кто полез? И при чем красавицы?

- Не по поводу ли переполоха вас и привела к нам ваша любознательность? - поинтересовалась Гликерия.

- Что ж, и линии спины у вас, Гликерия Андреевна, попрежнему изящны и прямые, - заметил Шеврикука, - и сидите вы хорошо, а шея и затылок ваши радуют глаз.

Но и теперь Гликерия не соизволила повернуться к Шеврикуке.

- Да, и по поводу переполоха, - сказал Шеврикука. - Но узнал я о нем полчаса назад. Вам-то, по-моему, надо лишь радоваться. Я возрадовался. Вот, думаю, пойдет потеха!

- У вас своя потеха, у нас - своя, - жестко сказала Гликерия и опустила пальцы на клавиши. И возникла музыка уже неспешная, и будто бы холодная вода струилась по камням, и лишь изредка пугливые рыбины взблескивали в ней, и тихо вздрагивали вверху листья темно-мрачных деревьев.

- Для него потеха! Для него все потеха! - Громкая, возбужденная Дуняша надвигалась на Шеврикуку, и он был уже готов к тому, что эта сумасбродная барышня вцепит ему сейчас затрещину, или вцепится в него когтями, или произведет какую-либо еще экзекуцию, Дуняшина ладонь захватила ухо Шеврикуки, но ухо не оторвала, лишь потрепала

наставительно, а Шеврикука получил сигнал: "Помолчи! Не приставай к Гликерии. Не раздражай ее! Пусть себе играет..." В воздух Дуняша произнесла еще несколько громкокипящих слов, должных подтвердить ее возмущение недостойным посетителем. Затем она, скинув кроссовки, уселась на пол, а большие крестьянские ступни свои, вытолкав руку Шеврикуки, разместила на подлокотнике кресла. Ступни ее были чистые, опрятные, недавно отпаренные. Доверие оказывалось Шеврикуке, с возможным разрешением погладить или пощекотать жесткие пятки. Позже Шеврикука гладил и щекотал. Но не часто и лениво. В руке у Дуняши опять оказалась астраханская груша. Гликерия, похоже, импровизировала, забыв обо всем. И вышло так, что Шеврикука с Дуняшей сидели и как бы шушукались. Доверительное это шушуканье и музыкальное забытие Гликерии не могло растрогать Шеврикуку и уж тем более ввести его в заблуждение. Шеврикука догадывался, чего от него хотят и отчего позволяют откровенничать (Дуняша - себе, а госпожа у фортепьяно - Дуняше). Но, скорее всего, обе они еще и не знали толком, чего хотят истинно и какую поклажу стоит взваливать на спину ему, Шеврикуке. Догадывался он и о степени или дозе откровенностей. И все же кое-какие сведения ему доставались.

(продолжение предполагается)

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

**Спаси
дерево —
убей
бобра?..**

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 39

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 108 экраным страницам формата А4 шрифтом Arial 20 полужирным. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) можно бесплатно получить на [E-mail: eugenelev@fromru.com](mailto:eugenelev@fromru.com) (пароль — [academia](#)).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы.

Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com (пароль — [academia](#))

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога